

И.В. Петров, В.А. Рачковский

Русская Православная Церковь и армия в XX – XXI веках

Учебно-методическое пособие.

Санкт-Петербург
2015

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. С.Л. Фирсов

канд. ист. наук, доц. А.Я. Колесников.

**Рекомендовано к печати Учебно-методической комиссией и Ученым Советом
Института Истории Санкт-Петербургского государственного университета.**

Петров И.В., Рачковский В.А. Русская Православная Церковь и армия в XX веке: учебно-методическое пособие. СПб., 2015. 55 с.

В учебно-методическом пособии рассматриваются вопросы развития отношений между Православной Церковью и армией в период двадцатого столетия, начиная с правления императора Николая II и времени, предшествующего Первой мировой войне, вплоть до проблем роли и места военного духовенства в современной России. Помимо Первой мировой и Великой Отечественной войн, особо рассматривается и время Гражданской войны в России, когда русское православное духовенство стояло перед выбором, какую из сторон братоубийственного конфликта следует поддержать Церкви.

Представленные в пособии сведения помогут студентам составить свое собственное суждение о роли Русской Православной Церкви в армии и военных и социальных конфликтах XX-XXI веков.

Предлагаемый список литературы поможет при подготовке к зачетам и экзаменам, промежуточной аттестации, написании рефератов.

Учебно-методическое пособие предназначено для бакалавров и магистров, обучающихся по направлению «История» в Институте Истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Сведения об авторах:

Рачковский Валерий Александрович - кандидат исторических наук, доцент, Институт Истории Санкт-Петербургский государственный университет;

Петров Иван Васильевич – кандидат исторических наук, ассистент, Институт Истории Санкт-Петербургский государственный университет.

Введение.

Православная Церковь в России всегда играла особую патриотическую роль в период войн и иных социальных потрясений, с которыми сталкивался народ России. Давние традиции благословения на ратный подвиг, известные еще с периода Древней и Средневековой Руси, нашли свое распространение и в патриарший и в синодальный период истории Российской Православной Церкви. Введенное в 1890 г. звание протопресвитера военного и морского духовенства, в ведении которого находились все храмы полков, крепостей, военных госпиталей и военных учебных заведений, явил собой законченный процесс душепопечения русского воинства.

Институт военного и морского духовенства в начале XX в. продемонстрировал все свои сильные и слабые стороны на фронтах Русско-японской и особенно Первой мировой войн. Наряду с многочисленными подвигами военных священников, встречался и параллельный этому процесс отхода военных и моряков от Православной Церкви, постепенное возрастание роли атеистической пропаганды в войсках.

Все эти противоречивые процессы нашли свое отражение и в период Гражданской войны в России, когда одна сторона братоубийственного конфликта активно использовала Православную Церковь не только в вопросах попечения над православными, но и в контексте жесточайшей идеологической борьбы с большевиками. С другой стороны, начало безбожных гонений и установка на борьбу с религией как «пережитком прошлого» в стране Советов приводили к сложным отношениям Православной Церкви не только с большевистской партией, но и с Красной армией.

Особый раздел изучения истории взаимоотношений Православной Церкви и армии в XX-XXI вв. - изучение окормления православным духовенством разных юрисдикций русских воинских формирований за рубежом, а также роли священников в идеологии русской военной эмиграции.

Следующий важный рубеж для изучения – период Великой Отечественной войны. В этот период Православная Церковь вновь сыграла одну из центральных ролей в патриотическом подъеме верующей части советского народа против нацистских захватчиков. Помощь, в том числе материальная, Красной армии сыграла определенную роль в исторической победе Советского Союза над Третьим Рейхом и его союзниками.

По - своему развивалась Православная Церковь и на оккупированной территории. В этом сложном и, по истине, трагическом процессе можно выделить несколько основополагающим аспектов: помощь православного духовенства советским

военнопленным, сотрудничество пастырей с просоветским партизанским подпольем, а также окормление антикоммунистических формирований.

После Великой Отечественной войны проблема роли Православной Церкви и религиозности совсем не сходит на нет. И в период локальных конфликтов второй половины XX столетия, и особенно в период трагических конфликтов в Афганистане и на территории новой России и стран бывшего СССР, прежде всего в Чеченской республике, Православная Церковь продолжала играть свою патриотическую роль.

Немаловажно осознать и степень участия Русской Православной Церкви в жизни современной Российской армии, понять, насколько важен и нужен феномен военного и морского духовенства сейчас, реальную деятельность РПЦ в среде Вооруженных сил Российской Федерации. Важно отметить, что похожие процессы проходят и на территории, канонически принадлежащей Московской Патриархии: Украины, Белоруссии и Молдавии, а также в странах Балтии, где Православная Церковь также имеет особое влияние на армию и флот.

Во время работы над данным учебно-методическим пособием были использованы архивные материалы, сборники документов, новейшие и уже ставшие классическими исследовательские работы ведущих российских и зарубежных историков. Важно отметить, что пособие подготовлено в преддверии 70-летия Победы Советского Союза над нацистской Германией и ее союзниками, что придает особое значение необходимости осознать роль Русской Православной Церкви в деле защиты Родины и укрепления боеспособности Российской армии.

Материалы пособия помогут магистрантам разобраться в многообразии роли церковного и религиозного фактора в военной истории России XX-начала XXI столетий, степени вовлеченности Русской Православной Церкви в патриотическую кампанию на протяжении всего столетнего периода.

Православная Церковь и армия в период первого десятилетия XX в. Русско-Японская война.

Православие на российской земле не раз являло свою особую роль в борьбе с иноземными захватчиками. Начиная с давних и полулегендарных упоминаний о благословении Дмитрия Донского святым праведным Сергием Радонежским на битву на Куликовом поле и ратным подвигом монахов Пересвета и Осляби, подкрепленных независимым положением митрополита Филиппа (Колычева) во время кровавой

опричиныны и мужественным поведением Патриарха Гермогена во время Смуты, Православная Церковь всегда вставала на правую сторону во время внешних и внутренних конфликтов на территории российского государства.

Введение в 1890 г. должности протопресвитера военного и морского духовенства не только централизовало управление военным и морским духовенством, но и фактически сосредоточило его исключительно в одних руках, человека, назначаемого Святейшим Синодом и утверждаемого Императором. Должность протопресвитера приравнивалась к архиепископству в мире архиереев и фактически была на уровне генерала-лейтенанта в военной среде. В тоже самое время для представителя белого духовенства данная должность была одной из самых высоких и делала его гораздо более независимым, чем епархиальный архиерей.

Первым протопресвитером военного и морского духовенства стал Александр Алексеевич Желобовский, который продолжительный период служил военным священником, а с 1888 г. являлся Главным священником гвардии, гренадер, армии и флота. Благодаря назначению пастыря на образованную должность протопресвитера военного и морского духовенства начался издаваться «Вестник военного и морского духовенства» - специализированное периодическое издание, в котором публиковались сведения о православных храмах военного ведомства, проповеди военного и морского духовенства, внебогослужебные беседы, воспоминания отличившегося на полях брани православного духовенства Российской Империи. Именно стараниями Желобовского в свет вышли сборник военных проповедей, журнал «Доброе слово» не только для военных, но и для крестьянского сословия, а также много военной духовно-нравственной литературы. Широко разрасталась при протопресвитере Желобовском и система военных православных братств, более 100 войсковых церквей также были сооружены при его протопресвитерстве. Александр Желобовский значительно увеличил и жалование военного и морского духовенства.

Существенным испытанием для военного и морского духовенства Российской Империи стала Русско-японская война. С ее началом вводилось в силу положение от 26 февраля 1890 г. «О полевом управлении войск русской армии в военное время». В Маньчжурской армии вводился пост полевого главного священника, то есть начальника всего духовенства и армии и настоятеля церкви главной квартиры. Необходимо отметить, что данная война стала своего рода проверкой умения военного и морского духовенства наставить армию и флот на борьбу с противником и показать уровень своего патриотического служения Родине. Многие православные пастыри и монашествующие показали себя с лучшей стороны в данном вооруженном конфликте. В августе 1904 г. во

время морского сражения в Корейском проливе священник крейсера «Рюрик» иеромонах Алексей (Орешников) воодушевлял команду в самый сложный момент боя, а впоследствии с оставшимися в живых моряками попал в плен, а после освобождения из него вывез знамя и сообщил о гибели крейсера. В печально известном Цусимском сражении себя проявили священники иеромонах Порфирий с крейсера «Олег» и иеромонах Георгий с крейсера «Аврора», за что были награждены золотым наперсным крестом на георгиевской ленте. Священник Митрофан Сребрянский, который служил при 51-м драгунском Черниговском полку, особенно рьяно вдохновлял православных воинов на борьбу с врагом, а свои проповеди и впечатления от войны записывал в специальный дневник, публиковавшийся в «Вестнике военного духовенства». Протоиерей Стефан Щербаковский в Тюрэнчэнском бою 18 апреля 1904 г. вместе с 11-м Восточно-Сибирским полком дважды ходил в атаку с крестом в руках, получил контузию, но, несмотря на это, сумел напутствовать умирающих солдат.

Во время неравного боя у Чемульпо корабельный священник отец Михаил Руднев воодушевлял команду крейсера «Варяг» во время одного из самых драматичных событий Русско-Японской войны. Многие священники выполняли на корабле обязанности подносчиков снарядов, находились в бою на передовом перевязочном пункте. Корабельный священник крейсера «Аскольд» иеромонах Порфирий в июле 1905 г. воодушевлял матросов на бой, находясь на верхней палубе.

Часть военного и морского духовенства погибла в период этой войны. Среди них оказались иеромонах Алексей (Раевский) с броненосца «Петропавловск», иеромонах Назарий с броненосца «Князь Суворов», священник броненосца «Александр» Александр Недрыгайло, иеромонах Виктор (Никольский) с броненосца «Ослябя», судовой священник иеромонах Кирион с броненосца «Наварин», иеромонах Феодор (Хандалеев) с крейсера 1-го ранга «Светлана» и некоторые другие.

Однако подобное служение военного и морского духовенства в период Русско-японской войны не было отмечено национализмом и пренебрежительным отношением к врагу. Необходимо отметить и тот любопытнейший факт, что просветитель японцев епископ Николай (Касаткин) в годы войны отказался покинуть Японию и занялся духовным окормлением пленных российских солдат и матросов. С началом войны святитель, оказавшийся в очень тяжелом для себя положении, выпустил специальное «Окружное письмо к японским христианам», в котором благословил японцев выполнять свой гражданский долг перед их императором и воевать против русских братьев во Христе во имя императора, желая, чтобы Господь скорее восстановил нарушенный мир между двумя державами. Сам же он, будучи русским человеком, не мог теперь молиться

вместе с японцами об успехе их войск и поэтому ни разу во время войны не присутствовал во время богослужений в кафедральном соборе. Более того, православные японцы из созданного владыкой Николаем (Касаткиным) «Общества духовного утешения военнопленных» помогали российским солдатам и матросам. Православная семинария составила и пожертвовала российским военнопленным десятки тысяч русско-японских разговорников, православная женская гимназия выделила своих наставниц для благотворительного служения раненым. Лично епископ Николай упаковал 68 000 Евангелий для каждого русского военнопленного. Подобное отношение к военнопленным впоследствии сыграет свою положительную роль в отношении между русскими и японцами после окончания кровопролитной войны.

В целом, можно констатировать факт того, что Православная Церковь справилась с трудностями Русско-Японской войны и с достоинством пережила этот сложный период своего существования.

После окончания войны были внесены существенные изменения в положение «Об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств», по которым в военное время вводились должности главного священника армий фронта, а также священников при штабах армий. Также было усилено преподавание Закона Божия в учебных командах, возросло число полковых храмов.

В 1910 г. учреждается похоронная касса служащих по ведомству военного и морского духовенства. Тогда же Синод принял мобилизационный план, согласно которому вводился призыв священнослужителей в период мобилизации армии по штатам военного времени и взамен убиавших в ходе военных действий. Планировалось также создать в армии и на флоте склады пропагандистской литературы, в число которой входила и религиозная литература.

В том же 1910 г. первый протопресвитер военного и морского духовенства Александр Желобовский скончался.

Список вопросов к главе:

1. Охарактеризуйте состояние военного и морского духовенства перед Русско-Японской войной?
2. Расскажите о подвигах российского военного и морского духовенства в период Русско-Японской войны.
3. Оцените деятельность православного духовенства в Японии в 1904-1905 гг.?

Список литературы к главе:

1. Бестременная Г.Е. Японская Православная Церковь. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. 318 с.

2. Суханова Н.А. История Японской Православной Церкви: путь к автономии. М.: Алетея, 2013. 376 с.

3. Щавельский Г., Воспоминания последнего протопресвитера Российской армии и флота. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2010. 704 с.

Православная Церковь и армия во время Первой мировой войны. Патриотическое и благотворительное служение пастырей.

Новым протопресвитером военного и морского духовенства стал бывший председатель Ревизионной комиссии по делам похоронной кассы, помощник протопресвитера, Евгений Аквилонov. Крайне правый по политическим предпочтениям представитель Российской Православной Церкви, отец Евгений после вступления в должность совершил поездки по западным губерниям Российской Империи, широко пропагандируя патриотизм и борьбу с революционными и толстовскими идеями в обществе. Однако в этот же период, еще не перешагнувший рубеж 50-летия протопресвитер, скончался в результате долгой и продолжительной болезни (саркомы).

Новым протопресвитером военного и морского духовенства стал Георгий Шавельский. Его достойная служба священником 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и благочинным 9-ой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии сыграли определенную роль при новом назначении. Будучи контуженным в бою у о. Фаньзятунь, он удостоился государственных и церковных наград. В декабре 1904 г. отец Георгий становится полевым священником 1-й Маньчжурской армии. Именно в период этого служения он возводится в сан протоиерея.

Своим назначением Шавельский был обязан предшественнику на посту протопресвитера военного и морского духовенства. До этого он хоть и служил настоятелем Суворовской церкви в Санкт-Петербурге и был близок к влиятельным кругам Российской Православной Церкви, серьезно его кандидатуру не рассматривали. Будущий протопресвитер также был хорошо образован и специализировался на проблемах воссоединения униатов Брестской епархии с Православной Церковью при Императоре Николае I.

Пастырь впоследствии отмечал в своих воспоминаниях, что у его кандидатуры было много противников, некоторые из которых сами имели виды на должность протопресвитера военного и морского духовенства. Отмечал отец Георгий и проблемы внутри вверенного ему ведомства, зная, что дисциплина оставляла желать много лучшего. В решении возникающих вопросов он прибегал и к радикальным мерам таким, например, как расформирование целых причтов и управления Свечного завода военного

духовенства. При возникающих проблемах протопресвитер военного и морского духовенства часто находил поддержку у Императора, Великого Князя Николая Николаевича и военного министра. Постепенно к новому протопресвитеру привыкло и светское общество столицы Российской Империи.

1911 г. закончился постройкой в столице Николаевского набережного храма в память погибших в Русско-японской войне русских моряков, что имело большое патриотическое и идеологическое значение для воодушевления православного русского воинства.

До начала Первой мировой войны протопресвитер военного и морского духовенства посетил такие разные регионы Российской Империи как Кавказ, Туркестан, Сибирь, Западный край, а также большинство центральных городов страны. В ходе таких поездок он делал соответствующие выводы о положении и жизни российских армии и флота, о служении военного и морского духовенства, которые помогут пастырям надлежащим образом встретить войну.

По данным одного из ведущих современных историков Русской Православной Церкви М.В. Шкаровского, численность военного и морского духовенства составляла около 5 тысяч человек, что равнялось 10 % от всего российского православного духовенства. В июле 1914 г. в Санкт-Петербурге состоялся первый съезд военного и морского духовенства, проходивший 11 дней при участии почти 50 представителей военного и морского духовенства. На нем разрабатывались такие важные вопросы, как составление общих инструкций для военного и морского духовенства на период войны, вопросы богослужения и учительства, библиотек и пропагандистской работы в ротах и лазаретах, борьбы с сектами в армии и на флоте, призрении вдов и сирот православного духовенства, преодоления возможных препятствий, возникающих у пастырей, и некоторые другие. Итогом работы данного съезда было принятие специальной памятки военному священнику с новыми прописанными для него правилами. Строевой священник должен был отныне помогать врачам в перевязке раненых, заведовать уборкой с полей сражений убитых и раненых, заботиться о поддержании в надлежащем порядке могил и кладбищ русских воинов, извещать родственников убитых о случившемся, создавать походные библиотеки. Госпитальный священник теперь был обязан чаще совершать богослужения для больных, ежедневно обходить палаты, беседовать и утешать страждущих, писать письма от имени больных родным. Прописывались и идеологические функции служения военного и морского духовенства, а именно: пропаганда преданности и веры государю и отечеству, прививание полного и беспрекословного подчинения начальству. Большинство инициатив, принятых на съезде, исходило от самого

протопресвитера Георгия Шавельского и было в 1913 г. включено в его брошюру «Служение священника на войне», написанную не только исходя из опыта руководства военным и морским духовенством, но и по личным впечатлениям от Русско-японской войны.

Если оценивать значимость решений, принятых на съезде, то необходимо отметить, что как до него, так и после, ничего подобного в Российской Империи не проводилось. На большинство самых животрепещущих вопросов был дан четкий и вполне определенный ответ. Состоялся и необходимый обмен мнениями между военными и морскими священниками. Дисциплина должна была существенно вырасти, как и готовность православного духовенства встать на передний край защиты собственного Отечества.

Конечно, нельзя опустить и факт своевременности проведения подобного съезда, ведь он прошел в ощущении надвигающейся мировой войны. По мнению многих очевидцев тех событий, именно благодаря решениям съезда военного и морского духовенства Российская Православная Церковь достойно встретила военную катастрофу, хотя нельзя не отметить и несоблюдение частью военных и морских священников принятых на съезде решений в дальнейшем.

Святейший Синод Российской Православной Церкви откликнулся на начало Первой мировой войны специальным патриотическим посланием, в котором говорилось о необходимости защиты государя, веры и единоверцев. 20 июля 1914 г. Синод призвал монастыри, храмы и мирян делать пожертвования на раненных и призванных на войну, подготавливать места для госпиталей. В этот же день принимается важнейшее послание «Об организации во всех православных приходах помощи семьям лиц, находящихся в войсках». В каждом приходе отныне должен был быть образован попечительский совет.

18 августа 1914 г. Святейший Синод учреждает Комитет русских духовно-учебных заведений по оказанию помощи больным и раненым воинам (в середине сентября им был открыт этапный лазарет в Минске). В течении 1914/1915 учебного года под военные нужды были полностью или частично заняты 28 духовных семинарий. Полностью были заняты следующие семинарии: Астраханская, Волынская, Екатеринославская, Калужская, Киевская, Кишиневская, Курская, Оренбургская, Орловская, Пермская, Псковская, Самарская, Ставропольская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Уфимская, Черниговская. В конце лета 1914 г. были созданы первые военные лазареты на средства Синода, монастырей и духовных учебных заведений. Свою особую роль в этой связи сыграла столичная Александро-Невская лавра. Помимо богословских общеобразовательных курсов в годы войны на территории лавры разместилась

двухклассная Александро-Невская церковно-приходская школа, братская больница и лазарет Красного Креста для раненых воинов.

Немаловажно отметить, что с началом Первой мировой войны Православная Церковь приняла решение на время оставить острые религиозные разногласия с представителями других религиозных конфессий, о чем в особом циркуляре в ноябре 1914 г. заявил протопресвитер Георгий Шавельский.

Широко включается в процесс патриотического подъема и российское архиерейство. Так, епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов) служил священником и дивизионным благочинным. Таврический епископ Димитрий (Абашидзе) некоторое время в начале войны служил судовым священником на Черноморском флоте. Большую роль в патриотическом подъеме русского воинства и мирных жителей сыграл будущий первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей, а в 1914 г. епископ Холмский и Люблинский Анастасий (Грибановский).

Неуклонно росло и количество военного духовенства (в среднем в пять-шесть раз). Существует и конкретная статистика военного и морского духовенства периода Великой войны. Приведем статистику, указанную в работах виднейшего петербургского историка Православной Церкви начала XX столетия С.Л. Фирсова: на момент 1891 г. в ведении протопресвитера русской армии и флота находилось 106 протоиереев, 337 священников, 2 протодиакона, 55 диаконов и 68 псаломщиков (то есть всего 569 человек); уже в 1909 г. было 156 протоиереев, 588 священников, 138 диаконов и 95 псаломщиков; за время же Первой Мировой войны 1072 священника были только награждены орденами. По неполным данным за годы Первой мировой войны священникам было вручено 227 наперсных крестов на георгиевской ленте, 85 орденов Св. Владимира 3-й степени с мечами, 203 ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами, 643 ордена Св. Анны 2-й и 3-й степени с мечами.

На некоторых подвигах русского военного и морского духовенства в период Великой войны следует остановиться подробнее. Одним из первых подвигов совершил священник 294-го Черниговского пехотного полка Иоанн Соколов, спасший из плена полковое знамя. В конце августа 1914 г. иеромонах Феликс (Носильников) увлек солдат в атаку своей вдохновенной речью. 24 июня 1915 г. иеромонах Ниловой пустыни Амвросий во время боя у деревни Бобы Ново-Александровского уезда с крестом в руках воодушевил гренатер на атаку, после которой была одержана победа, хотя сам иеромонах пал смертью храбрых. Одним из первых за проявленное мужество был награжден золотым наперстным крестом на георгиевской ленте священник 58-го Пражского полка Парфений Холодный за то, что он своей речью отговорил чехов и русинов, находившихся в австро-венгерской

армии, от атаки на русских воинов. В ходе атаки 9-го драгунского Казанского полка на австрийцев, вдохновленной священником Василем Шпичеком, враги Российской Империи бежали с поля боя. За проявленную доблесть православный пастырь был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Чудеса героизма проявляло и морское духовенство. Так, в середине августа 1914 г. трагически погиб иеромонах Бугульминского монастыря Антоний (Смирнов). Во время потопления «Прута» 70-летний иеромонах, стоя на палубе, осенял крестным знамением свою паству, отказавшись сесть в шлюпку.

Геройски проявил себя и священник Василий Румянцев. В первые дни войны он был мобилизован в один из сибирских стрелковых полков. В период войны он постоянно находился в перевязочном пункте, помогал врачам и отправлял раненых в тыл. В январе 1915 г. отец Василий получил общую контузию от разорвавшего снаряда, а в конце 1916 г. получил шесть ранений от осколков гранаты, после чего скончался.

Легендарным стал и отец Сергей Соколовский. С первых дней войны находясь на передовой, был трижды ранен, в последний раз с потерей кисти правой руки. С разрешения командира 7-го Финляндского стрелкового полка он повел солдат на разрушение проволочных заграждений в ночное время. Доблесть отца Сергея вызывала восхищение не только российских солдат, но и союзников Российской Империи.

Священник 154-го Дербентского полка Павел Смирнов поднял боевой дух своего полка и после этого стал известен для всей Кавказской армии (за свой подвиг он был награжден орденом св. Георгия 4-ой степени). Широко известен и героический подвиг протоиерея Александра Холмогорова, который отправился в праздник Богоявления на крещенское водосвятие под обстрелами вражеской авиации. В ходе этих обстрелов отец Павел получил тяжелейшие ранения, несовместимые с жизнью, однако до конца продолжил чин освящения воды, несмотря на призывы солдат.

Священник 115-й бригады государственного ополчения отец Николай Дебольский не прервал богослужения, когда внезапно появившийся вражеский аэроплан сбросил несколько бомб рядом с молящимися. Священник 15-го Драгунского Переяславского полка Сергей Лазуревский не оставил богослужения во время шрапнельного обстрела противника до тех пор, пока не получил контузию. Священник 237-го пехотного Грайворонского полка Иоаким Лещинский не прервал начатый молебен о даровании России победы в войне даже тогда, когда в храм попал разрушительный снаряд.

Во время войны возникает и такой любопытный феномен, как желание священников защищать интересы Российской Империи на фронтах Великой войны не только в качестве духовных лиц, но и напрямую, то есть с оружием в руках. Но данные

планы и пожелания справедливо вызвали сомнения как у высших сановников государства, так и лично у протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского. В связи с этим, в 1915 г. Святейший Синод принял решение запретить православному духовенству идти в армию не на духовные должности. Важно отметить, что подобные желания были обусловлены и широкой патриотической пропагандой, в том числе среди православного пастырства (чего стоит хотя бы брошюра самого отца Георгия Шавельского «За Веру, Царя и Отечество», объясняющая суть и причины данной войны). Идеологическая составляющая служения военного духовенства состояла и в том, чтобы оградить воинство от всяческих суеверий, «лжеучений», увещевать и искоренять имеющиеся в Российской Императорской армии нравственные недостатки. Важно отметить, что если в первый период войны в действующей армии не было губительной антивоенной пропаганды, то впоследствии православное духовенство сталкивалось с разрушительными идеями атеизма и пораженчества, диктуемыми не только военными противниками Российской Империи, но и теми, кто планировал совершить в России революцию и свергнуть существующий государственный строй (особенно в этом отличались большевики). С 1915 г. Святейший Синод и сам протопресвитер пытались назначать в некоторые особенно «растленные» марксизмом полки опытных проповедников антисоциалистических идей.

Вели военные священники и воспитательную работу, которая заключалась в катехизических беседах и преподавании воинам основ Закона Божия. В Святую Четыредесятницу и в любое другое время с согласия полкового начальства военные и морские священники должны были готовить православных воинов Русской Императорской армии к исповеди и принятию Святых Таин. Каждодневыми должны были быть и богослужения, поучения в церкви и внебогослужебные беседы пастырей и представителей русского воинства.

Еще одним «идеологическим» новшеством в служении православного духовенства Российской Империи в период Первой мировой войны была активная кампания по обращению в Православие представителей Униатской Церкви. Некоторые виднейшие российские иереи и даже архиереи, как архиепископ Евлогий (Георгиевский), были настроены исключительно быстро решить столь сложный вопрос, чего, однако, не произошло. Другую линию в «униатском» вопросе занял протопресвитер военного и морского духовенства отец Георгий Шавельский. Гораздо более реалистично оценивавший перспективу «скорейшего» обращения униатов в Православие, священник считал, что не следует проводить громогласную кампанию воссоединения, а взамен этого тихо и методично привлекать самих униатов в лоно Российской Кафолической

Православной Церкви путем невзимания с них денег за исполнение треб и более умеренного отношения к их духовным нуждам. Именно благодаря такой политике к концу 1916 г. в униатских приходах Галиции служили около 50 православных священников. В связи с разными взглядами на будущее Православной Веры в занятых Русской Императорской армией территориях между временным управляющим церковными областями в оккупированных территориях архиепископом Евлогием и отцом Георгием Шавельским возникали большие споры.

Теплое отношение к православным беженцам, в том числе представителям духовенства, особенно хорошо показали события 1915 г., когда многие из последних перешли на полное содержание столичной Александро-Невской лавры.

В 1916 г. вводятся новые должности армейских проповедников в армии (по одному на каждую из армий). На эти должности назначались лучшие из лучших православные пастыри, способные не только поднять русских воинов на борьбу с германскими, австро-венгерскими, османскими и болгарскими солдатами, но и умевшие противостоять атеистическим и пораженческим идеям.

Интересно отметить, что представители военного духовенства были обязаны хранить большой объем документации: описи полковых документов, клировые ведомости, приходские книги и отчетность по данным приходским книгам, исповедные росписи, метрические книги, книгу руководственных указов, получаемых от начальства.

Особого упоминания заслуживают полевые церкви. Походный храм мог находиться в обыкновенной палатке, землянке, казарме или просто под навесом. Походные иконостасы в большинстве случаев были складными в виде складня-полиптиха или ширмы, складными же были аналой, престол и жертвенник. Иконы для таких иконостасов либо исполнялись на полотенце, либо были вышиты. Что касается храмовых и запрестольных образов, то они помещались в киоты. Все церковные предметы перевозились в мобилизационном ящике. Литургические приборы, богослужебные книги и Евангелие хранились в специально изготовленных сундуках. Некоторые церковные предметы делались из подручных средств. Так, например, подсвечники делались из штыков.

Важным был обряд погребения погибших на поле брани русских солдат. Согласно существующим в Российской Империи правилам, хоронить павших воинов должны были местные жители, руководимые православным пастырем. В реальности очень часто работы по розыску убитых и по их захоронению выполняли только лишь священник и псаломщик.

Нередко представители военного и морского духовенства Российской Империи попадали во вражеский плен. Ситуация с нахождением в плену в период Первой мировой войны была достаточно сложной, хотя несопоставимой с подобной в период Второй мировой войны. Не все попавшие в плен в период Великой войны российские православные священники пережили нахождением там. Не вернулись из него священник 128-го Старооскольского полка Владимир Кавский, страдавший бронхитом, и иеромонах из 301-го полевого запасного госпиталя Иоанн (Жук). Священники Георгий Громов и Леонид Стефанов вернулись из плена, но вскоре после возвращения скончались. Отец Николай Болбочан за 23 месяца плена заболел туберкулезом, однако был отпущен в Россию (что иногда случалось с пленным православным духовенством). Важным и весьма непростым делом было налаживание пастырского служения в лагере военнопленных. Не всегда лагерное начальство шло навстречу пленным российским воинам и желало удовлетворения их религиозных нужд. Часто священникам запрещалось проводить широкую проповедническую деятельность в связи с возрастанием опасений восстаний в плену, а также боязнью поднятия «реваншистских» настроений у русских пленных. Важно заметить, что православные священники опасались пропаганды сектантских учений среди православных русских воинов, находящихся в плену, и активно ей противодействовали. Всего в плену за годы войны побывали по данным М.В. Шкаровского более 100 военных священников. В 1916 г. Синод решил учредить специальную комиссию для удовлетворения религиозных нужд русских военнопленных.

Общий список погибших в годы Первой мировой войны представителей военного и морского духовенства составить проблематично. В большинстве современных исследований называется общая цифра в 30 погибших священников. Однако, согласно спискам, публикуемым в «Вестнике военного и морского духовенства», с 1914 по 1917 гг., на фронтах погибло 25 представителей православного духовенства. От ран и болезней скончалось 54 священника, не смертельные раны получили 80 священнослужителей. Здесь можно привести данные М.В. Шкаровского, по которым 400 представителей православного духовенства за годы Великой войны получили ранения.

Также следует соотнести происходящие на фронтах Первой мировой войны события с тем, что происходило в столице. Широко известно, что именно этот период в истории Российской Православной Церкви часто характеризуется как «распутинский», то есть тот, который изобилует интригами, в том числе внутри Святейшего Синода. Только личная независимая позиция протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского ограждала вверенных ему пастырей и мирян от многих царивших в столице склок и пересудах.

Достаточно дискуссионным является и вопрос о действенности служения православного духовенства на фронтах Первой мировой войны. Сейчас большинство исследователей склонны завышать патриотический подъем солдат Российской Императорской армии в годы Великой войны, часто закрывая глаза на тот факт, что с падением монархии религиозность в армии неуклонно падала. В феврале-марте 1917 г. склонный к обсуждению важнейших проблем внутри Православной Церкви отец Георгий Шавельский организует съезды православных священников, по типу того, что состоялся незадолго до начала Великой войны. До событий февраля 1917 г. съезд прошел только лишь на Северном фронте во Пскове, и то на нем высказывались мнения о высоком боевом духе воинства.

На деле ситуация уже тогда была ужасающей. Судя по отчетам военного духовенства, адресованным Временному правительству, после освобождения солдат от обязательного соблюдения Церковных Таинств и посещения богослужений, число причащающих со 100 % упало до 10%. Постепенно армия становилась самой атеистической частью российского общества, что особенно стало показательным после событий октября 1917 г. и прихода к власти большевиков.

В новых условиях военное и морское духовенство Российской Империи должно было определить свое место в стремительно изменяющемся обществе. Необходимо понять, что в ситуации, когда менялось руководство Российской Православной Церкви, эта часть Русского Православия должна была определить и обозначить свою точку зрения на изменившуюся государственную систему в стране. Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства состоялся в Могилеве и проходил с 1 по 11 июля 1917 г. Верховный Главнокомандующий А.А. Брусилов приветствовал данное начинание. На съезде, в духе веяний того времени, было принято решение ввести выборность военно-духовных должностей. Однако в результате тайного голосования на съезде протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский сохранил свою должность, что как нельзя лучше показывает его популярность как в армии, так и среди вверенного ему православного пастырства.

Существует достаточно распространенная точка зрения, согласно которой военное и морское духовенство не смогло справиться с вызовом мировой войны 1914-1918 гг. Данной точки зрения придерживались не только противники Православной Церкви, но и некоторые будущие видные деятели Белого движения. Нам кажется, что однозначно придерживаться подобной концепции нельзя. Во-первых, никак нельзя забыть об огромном влиянии на Православную Церковь со стороны светской власти, которая, теряя свой политический вес в обществе, «потянула» за собой и Церковь. Пагубное слияние

Церкви и государства сыграло свою зловещую роль в период Первой мировой войны, особенно в процессе массовой атеизации российского общества. Во-вторых, важно учитывать тот факт, что во главе Православной Церкви, епархий стояли архипастыри, запятнавшие себя сотрудничеством с самыми консервативными кругами российского общества и всегда пытавшиеся законсервировать общество в ущерб постепенному развитию страны. В-третьих, необходимо осознать и существующую разницу между тем духовенством, которое находилось на полях сражений и понимало насущные проблемы армии и страны, и теми духовными лицами, которые мало интересовались жизнью простых верующих, тем более тех, кто защищал интересы России с оружием в руках. Подобная аморфность и приводила к разлагающей пропаганде таких деструктивных сил, как большевики и некоторые другие левые радикальные партии.

Однако часть военного и морского духовенства действительно халатно относилась к исполнению своих обязанностей, не участвовала в жизни солдат и офицеров, предпочитая отсиживаться в безопасных местах. К счастью, в годы Первой мировой войны таких пастырей было меньшинство.

Достаточно спорным является момент добровольной отправки части православного духовенства для окормления российских военнопленных в германские и австро-венгерские лагеря. При содействии важнейших министерств и ведомств Российской Империи Святейший Синод принимает решение обратиться к четырем архиереям: Гродненскому епископу Михаилу (Ермакову), Варшавскому архиепископу Николаю (Зиорову), Литовскому архиепископу Тихону (Беллавину) и Холмскому епископу Анастасию (Грибановскому). Это решение обуславливалось тем, что пастыри данных епархий были эвакуированы вглубь России и не имели возможности служения на своих приходах, временно оккупированных врагом. Желавшие отправиться в лагеря военнопленных священнослужители направляли свои просьбы в Синод на протяжении лета 1915 г., однако к осени того же года стало понятно, что количество желающих не превысит 13 человек (впоследствии к ним добавилось еще три священника). Часто подобные желания православного духовенства были вызваны не только патриотическим порывом, но и желанием получить от государственных ведомств денежные вознаграждения. Большинство подобных проектов не увенчалось успехом.

Немаловажно отметить, что по такому ведущему показателю лояльности государственной власти и армии в период мировой войны, как сотрудничество с оккупационной администрацией, православное духовенство в 1914-1917 гг. проявляло чудеса стойкости и очень редко позволяло себе идти на пропагандистскую поддержку

другой стороны конфликта (что отличает линию поведения православных пастырей оккупированных территорий в период Великой Отечественной войны).

Как известно, Первая мировая война закончилась в 1918 г., но уже в предваряющий этот период временной промежуток начался процесс репрессивной политики против представителей военного и морского духовенства. Уже в декабре 1918 г. был расстрелян священник из Севастополя протоиерей Михаил Чафранов. Одним из обвинений было то, что он причащал приговоренных к смерти матросов. Священник Юго-Западного фронта Василий Грифцов был зверски убит красноармейцами.

Новые большевистские власти не считались с подвигом тех представителей военного духовенства, которые геройски проявили себя в прошлых войнах. Так, от их рук погиб настоятель Адмиралтейского собора протоиерей Алексей Ставровский, герой Русско-японской войны протоиерей Сергей Флоринский, протоиерей Алексей Сабуров, иереи Николай Пробатов и Стефан Хитров.

Трагичной была судьба и самого института военного и морского духовенства в России. После прихода к власти большевиков институт военного и морского духовенства сразу же стал находиться под угрозой уничтожения, что и произошло 16 января 1918 г. после приказа № 39 Народного комиссариата по военным делам.

Достаточно сложно дать однозначный ответ на вопрос о том, смогло ли военное духовенство справиться с вызовами на тот момент самой разрушительной войны в истории России – Первой мировой? Никогда еще православные пастыри не проявляли себя так смело и самоотверженно, как на фронтах сражений Великой войны. Однако не только представители военного и морского духовенства, но и вся Российская Православная Церковь не смогли справиться с пагубными для армии и флота идеями разложения и материализма, исходящими от сил, желающих сначала свергнуть существующий в стране строй, а потом развязать гражданскую войну. Последователи марксистского учения после своего прихода к власти продолжили процесс борьбы с Православной верой, в том числе и в Красной армии, в которой процент неверующих и так был высоким.

Список вопросов к главе:

1. Оцените роль протопресвитера Георгия Шавельского в деле подготовки военного и морского духовенства Российской Империи к Первой мировой войне?

2. Какую роль сыграл первый съезд военного и морского духовенства в истории Российской Православной Церкви?

3. Расскажите о подвигах российского духовенства на фронтах Первой мировой войны?

4.Какую роль сыграла Российская Православная Церковь в деле благотворительной помощи гражданскому населению в период Великой войны?

5.Охарактеризуйте судьбу военного и морского духовенства после прихода к власти большевиков.

Список литературы к главе:

- 1.Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х-1918 гг.). М. Духовная библиотека, 2002. 624 с.
- 2.Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Николая II. СПб.: Сатисъ Держава, 2007. 467 с.
- 3.Щавельский Г., Воспоминания последнего протопресвитера Российской армии и флота. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2010. 704 с.

Православная Церковь между белыми и красными в годы Гражданской войны.

Период Гражданской войны в России поистине является одним из самых страшных времен, выпавших на долю Российского государства. До сих пор продолжается анализ причин победы одной стороны и поражения другой в этой бойне, оставившей столь глубокий след в нашем обществе, что преодолеть его невозможно и по сей день.

Начать свое описание роли Православной Церкви в этой войне мы бы хотели с Сибири. На ее территории действовало Временное Высшее Церковное Управление Сибири, сформированное в ноябре-декабре 1918 г. на Соборном Церковном совещании. Данный орган активно поддерживал установившийся режим Верховного Правителя России А.В. Колчака, благодаря чему восстановил на подконтрольной территории преподавание Закона Божия, духовное образование, возвратил Православной Церкви собственность. Был восстановлен в Сибири и институт военного и морского духовенства. На вышеупомянутом Совещании было принято решение о желательном периодическом устройстве собраний военного духовенства, организации в частях деятельной борьбы с большевизмом. Также в Сибири с этого времени православное духовенство стало входить в военно-цезурный комитет для пресечения в армии вражеской пропаганды.

В Сибирской Белой армии в 1919 г. находилось около 2 тысяч подчиненных ВВЦУ священнослужителей. Главным священником армии и флота правительства Колчака были протоиереи Алексей Русецкий и Александр Касаткин, затем их сменил епископ Чебоксарский Борис (Шипулин). По решению Томского Совещания главный священник руководил вверенными ему частями лишь временно, до того момента как будет

восстановлена связь с протопресвитером армии и флота, также временно ему давалось право назначать священников в действующие армии. Однако на данные назначения теперь влияло как епархиальное духовенство, так и послужной список самого кандидата.

С июля 1919 г. стали организовываться проповеднические отряды для всех фронтов Белого Движения (первый такой отряд был создан в январе 1919 г. для Сибирского фронта).

С марта 1919 г. в Омске стал издаваться религиозно-пропагандистский журнал «Сибирский благовестник», также имевший своей целью укрепить жителей Сибири и воинских формирования белых в Православной Вере и возможности скорой победы над большевизмом. Еще одним подтверждением стойкой неприязни сибирского православного духовенства по отношению к советской власти стал Собор, прошедший в апреле 1919 г. и утвердивший А.В. Колчака как Верховного Правителя России, а также предавший большевистскую партию анафеме. Всему православному духовенству Сибири был отправлен призыв к объединению для общей борьбы с большевизмом.

Некоторые воинские соединения сибирских антибольшевиков носили некий религиозный окрас. Для примера можно взять известные дружины Святого Креста, одной из главных целей организации которых стала защита Православной Церкви от поругания противоборствующей стороны.

Большинство подобных акций было направлено на то, чтобы привлечь в Белую Армию как можно больше крестьянского населения России, однако на деле уже в 1919 г. стало понятно, что массового притока в состав антибольшевистских сил А.В. Колчака не будет, даже не взирая на лозунги защиты Православной Веры.

Существенные проблемы по организации духовно-нравственной работы в Сибири испытывали и представители местного военного духовенства. Как отмечает главный исследователь этой части православного духовенства России в годы Гражданской войны Д.В. Олихов, далеко не все православные пастыри Сибири справлялись с религиозно-нравственными беседами с воинами. Так, несмотря на выпускаемые ВВЦУ инструкции в рядах вооруженных сил присутствовали сквернословие, мародерство, страсть к карточной игре, что признавало само военное духовенство. В качестве мер по борьбе с данными проблемами вводилось благочестивые дополнения или же дневное евангельское чтение с обязательным объяснением прочитанного.

Солдатам также прививались понятия «солдат», «защитник», «долг», объяснялось необходимость выполнения приказов и подчинения командованию. Как и в годы Великой войны, в период Гражданской православное духовенство напрямую участвовало в

издании агитационной, в том числе с религиозным оттенком, литературы и распространению ее по всей линии фронта.

Своя форма поддержки антибольшевистских сил существовала и на Юге России. Туда со всей России стекались сотни представителей православного духовенства с территорий, находившихся под контролем советских властей. После широкомасштабного красного террора на Дону, Кубани и других южных российских районах практически все православное духовенство приняло решение поддержать усилившееся военное сопротивление большевикам. Определенную идейную и структурирующую поддержку сыграло и нахождение на Юге России протопресвитера российского военного и морского духовенства отца Георгий Шавельского, занимавшего там тот же пост и активно участвовавшего в идеологической поддержке Белой Идеи.

В мае 1919 г. был созван Юго-Восточный Церковный Собор в Ставрополе, который по сути заявлялся как «продолжатель» Поместного Собора 1917-1918 гг. На Соборе присутствовали в основном представители белого духовенства и миряне, а из 11 представленных архиереев большинство было малоизвестными во всероссийском масштабе людьми. Все постановления данного Собора, созванного к тому же без санкции Святейшего Патриарха Тихона (Беллавина), носили исключительно временный характер. Однако участники Собора решили, что созданное Временное Церковное Управление будет руководить всеми епархиями освобожденными и освобождаемыми от большевиков. Высшее Временное Церковное Управление также должно было считаться высшей церковной властью на территории Юга России. На соборе были сделаны громкие заявления о восстановлении приходской жизни на подконтрольной антибольшевикам территории, о будущем «освобождении» Патриарха и прочее. В то же время каких-либо политических симпатий, кроме как желания сопротивления большевикам, участники собора не высказали.

5 июня 1919 г. состоялось открытие Временного Высшего Церковного Управления в екатеринодарском войсковом соборе. Председателем ВВЦУ был избран архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич), товарищем председателя стал широко известный в Православном мире архиепископ Таврический и Симферопольский Дмитрий (Абашидзе), а членами стали: епископ Ростовский и Таганрогский Арсений (Смоленец), протоиерей А. Рождественский, протопресвитер Г. Шавельский, профессор Верховской, граф Мусин-Пушкин. Некоторые исследователи справедливо отмечают, что ориентировались представители православного духовенства Юга России на Временное Высшее Церковное Управление Сибири.

В конце августа того же 1919 г. почетным председателем ВВЦУ стал вернувшийся с территории Украины митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), во многом определивший своими консервативными воззрениями будущую идеологическую направленность деятельности ВВЦУ. В дальнейшем ВВЦУ собирался на сессии, длившиеся от нескольких до 5 дней и проходивших в разных городах: Екатеринодаре, Новочеркасске, Таганроге, Новороссийске, Севастополе.

В качестве идеологической поддержки войск антибольшевистских сил представители ВВЦУ издавали журнал «Церковные ведомости», носивший не только религиозный, но и несомненный политический окрас. Для пропагандистской поддержки борьбы с советской властью также был создан Церковно-общественный комитет во главе с архиепископом Волынским и Житомирским Евлогием (Георгиевским). В его полномочия входила борьба с разлагающим влиянием на армию большевизма, в том числе на казачество. Тесно ВВЦУ был связан и с ОСВАГом. Члены ВВЦУ достаточно часто объезжали войска и станицы с проповедями идей сопротивления большевизму.

Поддерживали участие Православной Церкви в борьбе с большевизмом и вожди Белого Движения, хотя и подчеркивали, что духовенство не должно высказывать своих политических симпатий и тем более высказываться по поводу будущего государственного устройства России. Некоторые политические акции носили определенный религиозный окрас. Так, в Новочеркасске был заложен храм «Освобождения Дона» в честь Чудотворной иконы Божией Матери Аксайской. С июня 1919 г. в Новочеркасске при епархиальном училище открылись военно-проповеднические курсы, готовившие пропагандистов для работы на фронте и в запасных частях. Ежегодно там планировалось готовить до 30 человек. На страницах журнала «Донская христианская мысль» периодически публиковались «Материалы для проповеди», в которых главенствующая роль была уделена идеям открытой борьбы с большевизмом.

Петр Николаевич Врангель также особенно отмечал, что одной из целей его борьбы с большевизмом является защита «поруганной веры». По примеру Сибири, и на Юге России при Врангеле вводится вместо протопресвитера должность епископа армии и флота, которую занял крайне неординарный и спорный церковный иерарх – Севастопольский епископ Вениамин (Федченков). Часть историков отмечает оживление деятельности военного духовенства после данного назначения, показывая, что владыка Вениамин часто посещал лазареты, а также любил выступить на торжественных парадах и молебнах. Помимо всего прочего Управление военным и морским духовенством решило учредить должности 10 штатных проповедников в армии.

Праздник Воздвижения Креста Господня в 1920 г. был объявлен П.Н. Врангелем Днем покаяния, а 12 и 13 сентября – днем траура и молитвенного поминовения усопших. Особым идеологическим окрасом для поднятия духа не только местного населения, но и армейских частей сопровождалось прибытие в Крым из Куренной пустыни Курской Коренной Иконы Богородицы Знаменая. Важно отметить, что те представители Красной армии, которые принимали решение перейти в стан антибольшевистских сил получали нательные кресты, что имело не только идеологический, но и несомненный религиозный оттенок.

Одним из самых спорных, и в то же время дискуссионных моментов истории идеологического противостояния белых и красных в годы Гражданской войны, является вопрос об отказе Патриарха Тихона (Белламина) от благословения Белой борьбы. Всем известна встреча 18 ноября 1918 г. в Москве князя Г.Н. Трубецкого со Святейшим Патриархом в ходе которой, собиравшейся на Юг России князь испросил благословение главы Православной Церкви на сопротивление большевизму. Скорее всего, и тогда и после данной встречи, напрямую Патриарх Тихон не давал благословения на борьбу и хотел остаться вне братоубийственной войны, внутренне понимая опасность подобных действий для будущего Церкви. Свидетельства, полученные советскими специальными органами в период следствия над Патриархом в 1923 г., содержат указания лишь на временную «моральную поддержку» со стороны главы Российской Православной Церкви борьбы с безбожием и никак не могут являться свидетельством благословения на открытую борьбу. Данный факт нельзя считать ни победой, ни поражением ни той, ни другой стороны конфликта, с тем лишь комментарием, что христианские конфессии, к примеру Католическая Церковь в Испании в период Гражданской войны, поддерживали силы, противостоящие атеистическим левым движениям, что часто приводило к важной идеологической победе (пример с франкистами здесь особенно показателен).

Известны факты активной поддержки православным духовенством антибольшевистских сил практически на всех фронтах Гражданской войны, будь то Северо-Запад России или Украина. Однако особый размах союз Православной Церкви с антибольшевистскими силами принял в Белом Приморье в завершающий период Гражданской войны. Особую роль в этой связи сыграл Дальневосточный Земский Собор, прошедший в 1922 г. Так, командующий войсками и флотом Временного Приамурского правительства генерал-лейтенант М.К. Дитерихс опубликовал 30 июня 1922 г. «Положение о Приамурском Земском Соборе», в котором особенно была отмечена значимость для Белой идеи религиозной составляющей. 23 июля 1922 г. после торжественного молебна Собор был открыт. Собор носил ярко выраженный

монархический характер и фактически заявил о желательности восстановления в России монархии во главе с представителями Дома Романовых. Единицей местного самоуправления был признан приход.

Важно отметить, что по решению Собора рядом с Правителем формировался равноправный орган – Церковный Собор, что еще более подчеркивало обращение приамурских антибольшевистских сил к религиозной составляющей борьбы с большевизмом.

Однако, несмотря на все громкие заявления белых сил, политический расклад в стране менялся в пользу большевиков, не взирая на массовый антирелигиозный террор последних. Сюда же можно добавить важные, хотя напрямую и не касающиеся нашей тематики, проблемы как кампания по изъятию мощей, массовый террор против активных мирян, закрытие храмов и самочинные расправы над отдельными пастырями и архипастырями. В РККА массово была распространена антирелигиозная пропаганда, посему говорить о какой-либо религиозной составляющей борьбы за установление в стране советской власти нельзя. Обновленческий раскол только лишь добавил проблем Православной Церкви так как был напрямую инспирирован советскими властями с целью окончательно разделить и рассорить православное духовенство в России.

Только к концу 1918 г. по самым скромным подсчетам при попустительстве или при прямой поддержке большевиков было убито свыше трех тысяч православных священнослужителей, часто этот террор был направлен и против влиятельных иерархов, прямо или косвенно оказывающих поддержку антибольшевистским силам. Однако подобная политика все же не склонила большинство православных пастырей в лагерь сопротивления новой власти и лишь обнажила существующие проблемы как внутри самого государства в целом, так и в ограде Церкви в частности. С эвакуацией части православного российского духовенства из России православные пастыри стали окончательно разделяться по степени лояльности к установившейся в стране власти. И если на территории Советского Союза Православная Церковь была в большинстве своем максимально лояльна к атеистической гражданской власти и не принимала совершенно никакого участия в жизни Красной армии вплоть до Великой Отечественной войны, в эмиграции православное духовенство активно поддерживало оставшееся русское воинство.

Список вопросов к главе:

1. Как менялось отношение к советской власти Патриарха Московского и всея Руси Тихона (Беллавина)?

2. Охарактеризуйте и оцените политику большевиков по отношению к Православной Церкви?

3. Как функционировал институт военного и морского духовенства на Востоке России и в Сибири в годы Гражданской войны?

4. Как развивалась деятельность военного и морского духовенства на Юге России в 1918-1920 гг.

5. В чем заключались особенности отношения гражданских властей к Православной Церкви на Дальнем Востоке в 1920-1922 г.?

6. Дайте оценку позиции Русской Православной Церкви в период Гражданской войны?

Список литературы к главе:

1. *Кашиеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917-1922). М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2005. 440 с.
2. *Олихов Д.В.* Создание и деятельность Временного Высшего Церковного Управления Сибири (1918-1920 гг.): Автореф. дис. к.и.н. Омск, 2014. 25 с.
3. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / Под ред. *М.А. Бабкина*. М.: Индрик, 2006. 680 с.
4. Русская Православная Церковь и Белое Движение (альманах №10). М.: Посев, 2008, 254 с.

Православная Церковь и военные организации русской эмиграции.

После эвакуации немалой части православного духовенства вместе с белыми армиями за пределы России как перед активными мирянами, так и перед самими представителями священства встал вполне закономерный вопрос о целях и особенностях своего дальнейшего существования вне России. Все представители российской эмиграции стали все больше расходиться по разным полюсам своей политической позиции и определять свое кредо в сложной ситуации пребывания вне своей Родины. Следует отметить, что перед Православной Церковью также вставал важный вопрос своего будущего существования, причем не только канонический, но и идеологический. Как раз последний вопрос напрямую был связан с проблемой окормления эвакуировавшихся белых частей и выработкой собственной позиции по поводу устройства чаемой антибольшевистской России.

Нам бы не хотелось касаться в данном исследовании вопроса политических воззрений видных деятелей русской религиозной эмиграции, так как напрямую эта тема

не входит в означенный круг рассматриваемых проблем. Широко известно, что большая часть русских православных священников-эмигрантов стояли на промонархических позициях, о чем не раз они официально заявляли.

Религиозная жизнь в среде русского рассеяния началась сразу же после начала массовой эвакуации Белых армий. Так, если взять галлиполийское направление, то в самом Галлиполи постоянно эвакуировавшимся православным пастырством совершались богослужения для отступивших частей. К примеру, во время страстной и пасхальной недель церковь-палатка кавалерийского военного училища была поставлена на местном футбольном поле и использовалась в качестве гарнизонного храма. В столь сложной ситуации духовенство продолжило вести широкомасштабную просветительскую работу, организовывало специальные религиозные библиотеки из имевшихся под рукой книг. При некоторых полках организовывались так называемые «повторительные» школы для солдат, где священник преподавал не только Закон Божий, но и историю, географию и иные предметы. Участвовало православное священство и в организации специальных лекций для эвакуированной армии, в ходе которых разъясняло традиции и особенности жизни местного населения.

Посещение богослужений в Галлиполи было массовым: пасхальная утренняя, к примеру, собрала 12 тысяч молящихся и зрителей из среды местного турецкого и греческого населения. На Пасху вооруженные силы в Галлиполи посетил епископ Вениамин (Федченков), чье появление должно было ободрить начавшее крестный путь эмиграции русское воинство.

Однако зеркально с устроением приходской жизни в среде Русского Зарубежья предпринимались попытки идеологического обоснования продолжения вооруженного сопротивления большевизму, в том числе путем обращения к иностранным державам. Так, во время Первого Русского Всезаграничного Церковного Собора, проходившего в Сремских Карловцах, его делегаты не только высказали желательность восстановления в России монархии династии Дома Романовых, но и обратились к Всемирной конференции по экономическим и финансовым вопросам, проходившей в итальянской Генуе с резким антисоветским заявлением, в котором фактически давалась санкция на то, чтобы попросить у союзников помощи в свержении установившегося в России режима. Именно данные заявления предопределили крайне критическое отношение к РПЦЗ со стороны большевиков, которые могли теперь обвинить иерархов-эмигрантов и явных, а в большей степени мнимых их сторонников в самой России, в подстрекательстве к военному свержению власти или же прямой иностранной интервенции. Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Антоний (Храповицкий) всегда

придерживался антисоветских и крайне консервативных взглядов, очень часто в своих посланиях заявлял о необходимости реставрации монархии, благословлял вооруженное сопротивление большевистскому режиму. Более того, помимо достаточно известного Русского Обще-Воинского Союза митрополит Антоний даровал благословенную грамоту такой радикальной эмигрантской организации как Братство Русской Правды и освятил не только борьбу, но и антикрасный террор данной организации. В 1930 г. глава РПЦЗ благословляет оружие и боевую работу организации, а также распространяет в эмигрантских периодических изданиях «Молитву о России БРП». В издании БРП – «Русская Правда» широко распространялись такие резко политические обращения владыки Антония (Храповицкого) как «Пастырское послание митрополита Антония ко всем православным Русским людям Подъяремной России и в Зарубежье» и другие. Согласно одной из версий, так как БРП носило частично и религиозный характер, то митрополит Антоний (Храповицкий) часто обращался к руководству организации со словами своей полной и безоговорочной поддержки.

Можно долго рассказывать о поддержке русским православным духовенством из среды эмиграции военных и военно-политических организаций Русского Зарубежья, однако лучше всего, на наш взгляд, данный тезис подтверждает участие православных пастырей в вооруженных формированиях в период Второй Мировой войны. Классическим примером в этой связи может послужить Русский Корпус (Русский Охранный Корпус) на Балканах. Председатель Архиерейского Синода РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский) в середине сентября 1941 г. дал свое благословение на создание русского Корпуса и назначил корпусным священником протоиерея Иоанна Гандурина, ранее служившего в Литве и лично знавшего президента Литвы Антанаса Сметону. В полках свои обязанности исполняли о. Антоний Медведев, о. Владимир Ульянов, о. Борис Молчанов, о. Никон Рклицкий, о. Никодим Нечаев, о. Григорий Баранников, о. Владимир Могилев, о. Сергей Максимов. Следует отметить, что многие из этих священников были достаточно известны в среде Русского Зарубежья: так, бывший офицер Никон (Рклицкий) издавал с 1931 г. «Военный вестник» и «Царский вестник» на Балканах. В конце октября 1941 г. сам первоиерарх РПЦЗ Анастасий (Грибановский) посетил казармы Корпуса вместе с иконой Курской Коренной Божией Матери. Позже митрополит часто принимал участие в торжественных мероприятиях корпуса, служил молебны, произносил проникновенные речи с призывом к сопротивлению не только советским властям, но и титовским красным партизанам.

Еще одна созданная в годы Второй мировой войны военная группа – Казачий Стан, состояла из «подсоветского» казачества, но и в этом случае происходило окормление

данных частей со стороны православного духовенства, причем как на территории Юга России, так и когда Казачий стан переместился в Белоруссию и далее в Европу. Группу по упорядочению религиозной жизни внутри Казачьего Стана возглавлял протоиерей Василий Григорьев. В начале июля 1944 г. в польском городе Здунска Воля данный священник провел собрание всего духовенства Казачьего Стана и назначил благочинных. Осенью 1944 г. в каждую станицу или округ был назначен священник. По возможности при перемещении частей Казачьего Стана на Запад в срочном порядке организовывались походные церкви, а иногда богослужения проходили под открытым небом. Одно время православное духовенство Казачьего Стана назначалось без ведома Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей, однако после активного вмешательства митрополита Анастасия (Грибановского), данная коллизия была разрешена. К началу декабря 1944 г. на службе в «Казачьей» епархии числилось уже 34 священника, 4 диакона, 1 протодиакон и 30 псаломщиков.

Существовали и другие яркие примеры открытой поддержки представителей русского эмигрантского духовенства воинских частей, состоящих как из эмигрантской среды, так и из представителей населения, жившего на территории Советского Союза, однако мы не будем более подробно рассматривать данный аспект истории Русской Православной Церкви Заграницей.

Список вопросов к главе:

- 1.Расскажите об отношении Русской Православной Церкви Заграницей к советской власти и о будущем гражданской власти в России?
- 2.Какую роль сыграла РПЦЗ в окормлении русских антисоветских формирований в период Второй Мировой войны?

Список литературы к главе:

- 1.Базанов П.Н. Братство Русской Правды-самая загадочная организация Русского Зарубежья. М.: Посев, 2013. 424 с.
- 2.Маковецкий А., прот. Белая Церковь: вдали от атеистического террора. СПб: Питер, 2009. 315 с.
- 3.Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20-40-е гг. XX века). М.:ПСТБИ, 2000. 287 с.
- 4.Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 398 с.
- 5.Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925-1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью.М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. 624 с.

6. *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в 1939-1964 гг. Административное развитие и взаимоотношения с Церковью в Отечестве. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 488 с.

Русская Православная Церковь и защита Отечества в период Великой Отечественной войны.

Как известно вероломное нападение нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. вызвало небывалый подъем патриотизма в руководстве Московского Патриархата. Митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) сразу же обратился к своей пастве с воззванием, в котором призывал вверенное ему духовенство и мирян оказывать врагу сопротивление, напоминая православным о славных подвигах их предков. При всем этом Русская Православная Церковь в этот период находилась в критическом положении. На свободе легально действовало до 1939 г. только четыре епископа, страна находилась в горниле проведения официально объявленной безбожной кампании, повсеместно, в особенности во вновь присоединенных к СССР республиках, проходили аресты православных пастырей и мирян.

Важно отметить, что в сложившейся катастрофической для советского строя обстановке начала Великой Отечественной войны позиция Православной Церкви могла быть совершенно иной, конечно не «пораженческой», но «выжидательной», тем более, что до «подсоветских» священников доходили слухи о лояльном отношении нацистских властей к христианам (имеется ввиду в сравнении с атеистическим марксистским учением). Однако 26 июня во время богослужения в московском Елоховском соборе глава Московской Патриархии вновь подтвердил объявленный курс на всяческую поддержку государства и армии в их борьбе с захватчиками. Особенно он заклинал вверенных ему священников и мирян от служения оккупантам, понимая, что большая часть их может польститься на обещания религиозной свободы. Тогда же митрополит Сергей (Страгородский) отслужил в Елоховском соборе первую молитву о победе русского оружия в войне. Впоследствии данные молитвы стали возноситься во всех московских православных храмах. Практически каждое послание митрополита Сергия (Страгородского) периода войны, в особенности выпущенные в период больших религиозных праздников, сопровождалось патриотическими призывами с мольбами о победе Красной армии. Особую поддержку советским властям и Красной армии оказывал Экзарх Московской Патриархии в Америке митрополит Вениамин (Федченков), выступавший на многочисленных общественных собраниях и пропагандирующий идею открытия Второго фронта.

14 октября 1941 г. в праздник Покрова митрополит Сергей (Страгородский) покинул Москву и перебрался в Ульяновск. Перед отъездом он вновь обратился к верующим с призывом к сопротивлению захватчикам. В послании от 13 декабря 1942 г. Местоблюститель Патриаршего Престола уже призвал верующих принять активное участие и в партизанском движении, тем самым благословляя борьбу и в тылу врага. 30 декабря 1942 г. митрополит Сергей (Страгородский) призвал жертвовать средства на сооружение особой танковой колонны имени Дмитрия Донского.

Свою особую роль в деле противостояния нацистам сыграл и митрополит Николай (Ярушевич), эвакуировавшейся с территории Украины вглубь страны с началом войны. 2 ноября 1942 г. владыка Николай был приглашен в состав Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. В ходе объезда районов, освобожденных от нацистов, представители данной комиссии фиксировали факты разрушения культовых зданий, убийств представителей духовенства и верующих и многое другое. Выступления представителей данной комиссии сыграло очень важную роль в деле пересмотра союзниками своего отношения к деятельности советской властей и Красной армии.

Еще одним идеологическим органом в работе которого приняла участие Русская Православная Церковь стал Всеславянский комитет. Православные иерархи представляли в комитет материалы по следующим темам «О свободе совести в СССР», «Бог благословляет народную справедливую войну против гитлеровских захватчиков», «Участие духовенства и верующих в помощи Красной Армии», «Немцы-Злейшие враги христианства» и некоторые другие. В мае 1943 г. митрополит Николай (Ярушевич) впервые появился в президиуме III Всеславянского митинга в Москве, а через месяц написал проникновенное патриотическое воззвание «Братья-славяне!».

Далеко не сразу, но Русской Православной Церкви было разрешено вносить денежные суммы в патриотические фонды. Однако, несмотря на все эти факты, очень долго данный процесс был односторонним и не получал ответных действий со стороны советского государства. Даже известная встреча Иосифа Сталина с митрополитами была в большей степени обусловлена причинами желания как можно более тесного сотрудничества с западными державами и опасностью широкомасштабного религиозного возрождения на временно оккупированной территории.

Один из ведущих церковных историков Русской Православной Церкви в XX столетии М.В. Шкаровский отмечает, что 25 патриарших храмов в Москве к дню рождения Красной армии – 23 февраля 1942 г. собрали 1 159 тысяч рублей, а более 540 тысяч рублей было собрано на подарки военнослужащим к 1 мая. Под руководством

митрополита Николая (Ярушевича) было собрано 2 млн рублей на танковую колонну «Дмитрий Донской» и более 1 млн рублей на эскадрилью «Александр Невский». Новосибирские же православные приходы собрали 110 тысяч рублей на строительство сибирской эскадрильи. Отдельно следует отметить роль созданного в 1944 г. фонда помощи детям и семьям бойцов Красной армии.

Поподробнее стоит остановиться и на вопросе сотрудничества православного духовенства с советским партизанским подпольем. Выше мы уже отмечали факт благословения митрополитом Сергием (Страгородским) помощи православными клириками и мирянами партизанам. Приведем теперь некоторые примеры подобного взаимодействия. К примеру, священник Владимирской церкви в городе Ростов-на-Дону отец Димитрий Романовский помогал спастись многим комсомольским и партийным работникам от расправы. Отец Анатолий Гандарович из деревни Рябунь Куренецкого района на Вилейщине принимал у себя партизан, помогал им медикаментами. Служивший на территории Барановичской области отец Николай Хильтов приютил партизан в созданном им же при церковном доме «доме отдыха» и активно помогал сведениями разведывательной группе из бригады имени Чапаева. Отец Григорий Чаус помогал сбором продуктов и материалов для перевязок для партизанского госпиталя в Белоруссии. Отец Николай Пыжевич с Ровеньщины устраивал раненных партизан по домам верных ему людей, за что он и его семья заплатились жизнью. Настоятель Видонской церкви в Угоршском районе отец Мефодий Белов внес свой вклад в Победу тем, что помогал добывать партизан необходимую разведывательную информацию. За активную помощь партизанам были расстреляны гатчинские пастыри: митрофорный протоиерей Александр Петров и священник Иоанн Суслин. Та же судьба ждала и настоятеля храма в селе Яшера Владимира Романовского и некоторых других священников, служивших на территории Северо-Запада России. Всего в этом регионе с советским партизанским подпольем сотрудничало от 20 до 30 священнослужителей. Самыми известными из них стали двое православных пастырей – отец Илья Богданов и отец Федор Пузанов. Оба священника активно снабжали советское подполье информацией о располагавшихся рядом с их приходами немецких воинских частях, помогали партизан материально (один только отец Федор собрал 500 000 рублей). Староста Серафимовской кладбищенской церкви Павел Раина воевал в партизанской бригаде имени С.М. Кирова, был за это награжден орденом Красного знамени, о чем впоследствии выпустил специальное печатное издание.

Отец Георгий Свиридов из церкви Рождества Богородицы села Рождествено активно собирал вещи и продовольствие для советских военнопленных.

Особенно отличились в деле помощи советскому подполью и белорусские православные священнослужители. Священник Косьма Раина из пинского села Хойно выступил с патриотической речью при отпевании замученных нацистами жителей села Невель, после чего ему пришлось уйти в партизанский отряд. Также данный пастырь очень часто предоставлял советским партизанам данные о немецких воинских частях. Другой белорусский священник Виталий Боровский был расстрелян вместе со всей своей семьей за укрывательство партизан. Существуют примеры, когда под карательные действия нацистов попадали священнослужители, которые были старше 70, 80, а иногда и 90 лет. В большинстве случаев их уничтожали за поддержку просоветского подполья, изготовление поддельных документов, укрывательство местного населения и советских военных. Особенно тяжким преступлением, практически всегда заканчивавшимся казнью, было укрывательство лиц еврейского происхождения. Десятки православных священников были казнены именно «за эти проступки».

Важно отметить, что через православное духовенство представители советского подполья передавали на оккупированные территории патриотические воззвания руководства Московской Патриархии, что часто помогало настроить население занятых Вермахтом территорий просоветски. Хорошим примером этого может послужить отец Илья Богданов с Северо-Запада России, который должен был передать руководству Псковской Православной Миссии и Прибалтийского Экзархата патриотические воззвания избранного в Москве в сентябре 1943 г. Патриархом владыки Сергия (Страгородского). Похожие функции выполнял отец Афанасий Ясиевич из села Сидельники с Брестчины, который часто принимал у себя партизан, а в 1943 г. он получил от них напечатанное на машинке воззвание митрополита Николая (Ярушевича).

Священник Петрановский из Одесской области организовал в Одессе целую подпольную группу, с помощью которой регулярно принимал сводки Совинформбюро по радиоприемнику, находившейся в подвале его дома, после чего в устной форме передавал их своим прихожанам.

Священник Василий Копычко Ивановского района Пинской области через подпольную группу получил московское воззвание Патриаршего Местоблюстителя Сергия (Страгородского) «К верным чадам Русской Православной Церкви», за распространение и чтение которого полагалось суровое наказание со стороны немецких властей. Затем отец Василий стал распространять среди своих прихожан партизанские листовки и сводки Совинформбюро. Дом Копычко стал местом встреч и передачи информации между партизанами и подпольщиками. За свои действия отец Василий был приговорен к смерти, однако был спасен партизанами.

Широко известным стал белорусский протоиерей Александр Романушко, так называемый «партизанский батюшка». Он часто совершал отпевания погибших от рук нацистских карателей, отпевал партизан, а также распространял партизанскую агитационную продукцию во время своих объездов близлежащих деревень. Более того, на отпевании одного из служащего в полиции отец Александр выступил с резко обличительной «проповедью», фактически предав анафеме всех присутствующих на отпевании полицейских.

Многие православные священники, сотрудничавшие с советскими партизанами, были награждены во время и после войны государственными и военными наградами. Ждали их существенные поощрения и со стороны епархиального начальства, часть из них стала благочинными вместо той части православного духовенства, которое эвакуировалось вместе с Вермахтом в Европу или же было арестовано советскими органами государственной безопасности.

Следует отметить, что другая часть православного духовенства, находившаяся по другую сторону фронта, вернулась к служению на церковном и гражданском поприще в период Великой Отечественной войны из советских лагерей. Самым известным подобным случаем является биография архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). В начале войны он отправил на имя Калинина телеграмму с предложением прерывания его ссылки для того, чтобы он смог работать в качестве профессионального хирурга в одном из госпиталей. Очень скоро владыка Лука стал служить в военных госпиталях, совмещая данную работу с управлением Красноярской епархией. При всей своей патриотической и независимой позиции, а также с учетом того, что архипастырь получил государственные награды, как во время Поместного собора в Москве, так и после войны, он сохранял независимую позицию.

Многие впоследствии широко известные пастыри и архипастыри Русской Православной Церкви в период Второй мировой войны служили в действующей армии. Заместителем командира роты, если верить официальным данным Московской Патриархии, начал свой путь Сергей Извеков, будущий Патриарх Московский и всея Руси. Все четыре года войны на фронте провел будущий известный на всю страну – наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (Воронов). Будущий митрополит Калининский и Каширский Алексей (Коноплев) служил на фронте пулеметчиком. Духовник Святейшего Патриаршего Московского и всея Руси Алексия II (Ридигера) архимандрит Кирилл (Павлов) командовал в годы Великой Отечественной войны взводом и принимал участие в обороне Сталинграда. Знаменитая военная разведчица Наталья Малышева, награжденная орденами Отечественной войны и Красного

знамени, впоследствии активно помогала Русской Православной Церкви и приняла монашество с именем Адриана.

Многие рядовые солдаты после окончания Великой Отечественной войны после пережитых потрясений становились псаломщиками и даже священниками. Существуют данные, что с фронта в Москву поступали прошения об отправке в армию проповедей и воззваний Русской Православной Церкви. Широко была распространена и практика совершения богослужений в освобожденных от нацистов территориях. Протоиерей Николай Трубецкой вспомнил о посещении советскими солдатами богослужений при освобождении Риги. После освобождения города Луги генерал Лобанов вызвал помогавшего партизанам священника Михаила Образцова и попросил его отслужить благодарственный молебен по поводу освобождения города от нацистских захватчиков. Епископ Уманский Иосиф (Чернов) сразу же после освобождения города выступил с патриотическим воззванием, призывая народ продолжать бой с врагом и начать сбор ценностей и денежных средств на Победу. Такие же богослужения происходили при освобождении Орла, Пскова, Смоленска, Черкасс и многих других городов.

В тоже самое время нельзя забывать и важные особенности данного служения. Во-первых, далеко не все православные пастыри, служившие на оккупированных территориях, придерживались просоветских позиций и оказывали непосредственную поддержку партизанам. Многие из них не могли простить советскому подполью, часть из которого состояла из представителей государственной безопасности и партийных руководителей, предвоенных репрессий против Православной Церкви и видела в нацистах меньшее зло по сравнению с большевиками. Зеркально этому действовали и сами партизаны по отношению к православному духовенству. Немалая часть православных пастырей была советскими партизанами убита за неповиновение и отказ сотрудничать, резко антисоветские проповеди и подозрение в сотрудничестве с немецкими карательными органами. На Северо-Западе России от рук партизан пали настоятель храма в селе Бельское Устье нынешнего Порховского района Псковской области отец Николай Беляев, игумен Никандровой пустыни Андрей (Тишко), Порховско-Дновский благочинный отец Василий Рушанов (по некоторым сведениям последний погиб от случайной пули в перестрелке) и некоторые другие. На Смоленщине по решению военного трибунала 11-го кавалерийского корпуса в марте 1942 г. был расстрелян священник села Дражина Знаменского района отец Яков Львов). Частыми были расправы над подозреваемыми в сотрудничестве с оккупантами православными священниками и на территории Белоруссии, где они были подвержены опасности стать жертвами и польской Армии Крайовой.

Во-вторых, до сих пор идет спор о том, насколько Красная армия являлась армией атеистической и сколько в ней было верующих солдат и офицеров. По понятным причинам исчерпывающего и полного ответа на данный вопрос мы получить не сможем, а сумеем лишь привести некоторые собственные суждения на данный счет. В последнее время укоренилась концепция, согласно которой во время Великой Отечественной войны были достаточно частыми явления массового обращения к Богу и Православной вере со стороны рядового состава армии. Часто данные сведения подкрепляются полумифическими рассказами о чудесах, случившихся во время войны и, даже, об обращении к религии руководителей Советского Союза и лично И.В. Сталина. На самом деле подобные факты в большинстве случаев являются или вымышленными свидетельствами, или прямыми спекуляциями на истории войны, ведь не надо забывать о колоссальной атеистической пропаганде, развернутой в предвоенное время в Советском Союзе. Следует, однако, признать, что на отдельных участках фронта были факты обращения солдат к Православной Церкви. Любопытный факт приводит крупный церковный историк М.В. Шкаровский: в ноябре 1944 г. в Главное политуправление РККА с 4-го Украинского фронта поступила телеграмма, в которой содержалась просьба выслать Синодом проповеди для произнесения в праздничные дни, в том числе, посвященные годовщине октябрьских событий 1917 г. Однако в большинстве своем такие просьбы или не удовлетворялись, или же их просто не было. Факт религиозности солдат Красной армии более всего подтверждается только лишь работой современных поисковых отрядов, участники которых отмечают наличие у большинства найденных воинов нательных крестов.

В-третьих, необходимо отметить любопытный факт возрождения монастырской жизни в период Великой Отечественной войны. Как известно, в предвоенные годы советские власти рассматривали православные монастыри исключительно как рассадники мракобесия и противостояния большевистской власти. В то же время, с началом нацистской оккупации, очень многие монастыри, несмотря на то, что внешне приняли новую администрацию, внутри них существовали целые группы сопротивления установившейся власти нацистов. К числу подобных монастырей можно отнести как Почаевскую Лавру, так и Псково-Печерский монастырь. Несмотря на то, что до сих пор тот же Печерский монастырь считается местом проведения встреч православного духовенства и нацистов, есть данные о том, что в нем прятали советских подпольщиков, и, более того, представители просоветского подполья находились на протяжении всего периода оккупации в монастыре.

Некоторые монастыри по традиции, принятой еще в императорской России, в период войны становились военными госпиталями, в которых спасали советских солдат от неминуемой гибели. После освобождения Киева в 1943 г. Покровский женский монастырь организовал госпиталь исключительно своими силами, а насельницы монастыря стали санитарками в нем. Впоследствии, многие монахини получили от государства правительственные награды. Важно отметить, что данный пример не является единичным.

В-четвертых, в большинстве случаев те или иные акции Русской Православной Церкви по отношению к гражданской Родине и советскому народу являлись бескорыстными шагами, никак не направленными на то, чтобы облегчить жизнь православного населения. Еще в начале Великой Отечественной войны Московская Патриархия и будущий Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) безоговорочно встали на позиции советского патриотизма, не взирая на возможную неуверенность в итоге военного противостояния Советского Союза и Третьего Рейха. Послабления в религиозной политике государства, следовавшие в ходе войны, никак не были связаны с принятой руководством Московской Патриархии позицией.

Очень хорошо подтверждают тезис о взаимосвязи Русской Православной Церкви и армии в годы Великой Отечественной войны статистические данные, согласно которым около сотни представителей православного духовенства были в период войны награждены медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», «Партизану Великой Отечественной войны».

Освобождение же как территории Советского Союза, так и Европы от нацизма несло и многие запретительные меры по отношению к Православной Церкви. Так, на многих освобожденных от нацизма территориях был запрещен колокольный звон, а некоторые открытые на оккупированной нацистами территории православные храмы снова становились клубами или передавались под сельскохозяйственные нужды.

Необходимо отметить, что после кончины избранного в Москве в 1943 г. Патриарха Сергея (Страгородского) его приемник Патриарх Алексей I (Симанский) продолжил линию поддержки советского государства, в том числе на международной арене. В своем слове по случаю Победы в Великой Отечественной войне Святейший Патриарх сказал: «С благодарностью вспоминая подвиги доблестного нашего воинства и тех наших близких и родных, кто положил за наше счастье временную жизнь в надежде воспрять вечную, - мы никогда не перестанем молиться о них и в этом будем черпать утешение в скорби о потере дорогих сердцу и укреплять свою веру в бесконечное милосердие Божие к ним, отошедшим в горний мир, и во всеильную помощь нам,

оставленным для продолжения земного подвига и для благоустройства жизни во всем мире....».

Особый вклад в победу помимо листовок и заявлений, выходящих от имени Русской Православной Церкви, внес официальный печатный орган Московской Патриархии, выход которого возобновился в годы Великой Отечественной войны, – «Журнал Московской Патриархии». Достаточно широко в данном издании печатались те материалы, которые были призваны показать зверства захватчиков и пагубность их оккупационной политики. Самыми известными работами стали статьи владыки Николая (Ярушевича): «Разрушение и смерть», «Фашисты-злейшие враги культуры», «Киев» и др., статья владыки Луки (Войно-Ясенецкого) «Кровавый мрак фашизма» и «Бог помогает народам СССР в войне» и многие другие. И, если в начальный период издания журнала в военное время он был призван мобилизовать верующих, в том числе военных, на борьбу с врагом, то, впоследствии, главными целями стали противостояние нацизму в Европе и возвращение Русской Православной Церкви на международную арену.

По своей сути Вторая мировая война вновь вернула Русскую Православную Церковь на ее законное место как в обществе, так и в мире. Несмотря на то, что в последующие годы советской власти будут проходить жесточайшие гонения против активных верующих и мирян, Московская Патриархия уже окончательно связала себя со светским государством, пусть и атеистическим по своей сути. Несмотря на крайне прохладные, а часто и открыто враждебные отношения между православными архиереями и иереями и гражданскими властями, Русская Православная Церковь гласно не будет озвучивать открытые протесты по отношению к действиям советской власти, в том числе действиям военного характера. Более того, некоторые шаги, к примеру, формальная ликвидация Греко-Католической Церкви на территории Украины, будет проходить не только при попустительстве и молчаливом согласии Русской Православной Церкви, но и с прямой поддержкой советских специальных органов. Независимый голос Церкви будет проявляться исключительно через действия религиозных диссидентов или же некоторых, отдельных представителей Московской Патриархии, несогласных с действиями властей. Руководство же Церкви фактически отстранится от критики многих откровенно авантюрных шагов власти, заявив о неправильности действий последних постфактум, в 1980-1990-х гг.

Однако та патриотическая роль, которую сыграла Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны до сих пор недооценена. Сложно посчитать какой процент солдат шел в бой с верой в Бога и надеждой на заступничество Всевышнего.

Остается только посетовать, что подъем религиозности в годы войны не вылился в широкую кампанию за права Православной Церкви и верующих после ее окончания.

Список вопросов к главе:

1. Расскажите о сути патриотической позиции Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны?
2. Какую роль сыграло православное духовенство в помощи советскому партизанскому движению?
3. Как изменилось отношение советской власти к Московской Патриархии в годы Великой Отечественной войны?
4. Расскажите о пропагандистской кампании Русской Православной Церкви, направленной против нацистских оккупантов?

Список литературы к главе:

1. Зоберн В.М. Бог и Победа. Верующие в великих войнах за Россию. М.: Эксмо, 2014. 640 с.
2. Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941-1945. М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 451 с.
3. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / Сост. Васильева О.Ю., Кудрявцев И.И., Лыкова Л.А. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2009. 768 с.
4. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002. 521 с.
5. Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.
6. Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. СПб.: Сатисъ; Держава, 2005. 624 с.

**Православная Церковь и армия в локальных конфликтах XX-
начала XXI вв.**

После окончания Великой Отечественной войны в Советском Союзе не последовало широкого обращения к религии со стороны многомиллионного населения. Атеистической в массе своей осталась и Советская армия, которая обильно снабжалась советскими пропагандистскими органами специальной литературой. Большинство подобных работ, таких как «Союз креста и меча» Г.А. Суглобова, являлись кратким идеологическим описанием «предательской» сущности деятельности Русской Православной Церкви в период войн и социальных конфликтов. В них четко проводилась

своеобразная разделительная линия: в дореволюционный период Церковь всячески поддерживала любые военные действия, в которых участвовала Российская Империя, а после же, наоборот, выступала с миролюбивыми призывами, фактически саботируя защиту Отечества или же поддерживая врагов советской власти. Некоторые отступления касались периода Великой Отечественной войны, по поводу которой даже самые резкие антицерковные критики писали о патриотической позиции руководства Русской Православной Церкви, однако и тут широко был развит тезис об антигосударственной деятельности православного духовенства на оккупированной нацистами территории. В большинстве случаев подобная издаваемая «Воениздатом» литература призвана была «вразумить» верующих солдат, многие из которых были из религиозных семей и внутренне не принимали многих устоев Советской армии.

Параллельно с этим развивалась Русская Православная Церковь Заграницей. После своей поддержки многих мероприятий нацистской Германии и своем активном пропагандистском участии в акциях, напрямую направленных на недопущение присутствия советских войск в Европе, руководство РПЦЗ было вынуждено переселиться за океан и попасть под определенное идеологическое влияние Соединенных Штатов Америки и их союзников. Немаловажно отметить, что первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский) и большинство людей из его окружения очень часто в своих посланиях и обращениях к пастве поддерживали те силы, которые открыто, в том числе военным путем, противостояли Советском Союзу и его сателлитам. Часто такая поддержка доходила довольно далеко: вплоть до положительного отношения к «атомному» проекту США. Многие представители паствы РПЦЗ были членами различных эмигрантских организаций, которые продолжали борьбу с советской властью в России, в том числе в вынужденном сотрудничестве на правах автономии с западными спецслужбами. Часть представителей паствы «зарубежников» служили в американской, британской и других армиях стран НАТО и участвовали во вьетнамском, корейском и иных конфликтах второй половины XX столетия. Широко освещала эмигрантская пресса, в том числе и церковная, и вторжение советских войск в 1956 г. в Венгрию и в 1968 г. в Чехословакию, неизменно подчеркивая захватнический характер подобных акций и всегда стойко стоя на стороне антисоветских сил.

Русская Православная Церковь Московского Патриархата, наоборот, очень активно включилась в так называемое движение «в защиту мира», фактически организованное просоветскими силами в Европе и выступавшее против «агрессивной политики» западных держав. В конце 1950-х гг. в Чехословакии возникло «Христианское движение в защиту мира», тогда же в Праге прошли первые Христианские мирные конференции, собравшие

представителей христианских конфессий исключительно из стран социалистического лагеря (за исключением позже присоединившихся к данному движению представителей христианских конфессий, левых по своим политическим взглядам из капиталистических стран). Особо отмечалась на данной конференции атомная бомбардировка Хиросимы, годовщина которой которая должна была быть превращена в так называемые «дни покаяния». В начале 1960-х гг. возникает и Всемирный конгресс (ранее планировавшийся как Вселенский христианский мирный собор). Участие в данной организации православного духовенства неустанно контролировалось органами КГБ и ЦК КПСС. Именно из-за их желания Московская Патриархия стала принимать участие и во Всемирном Совете Церквей, по своей сути организации представителей разных протестантских церквей. Процесс этот был достаточно долгим, советские власти не сразу шли на санкционирование общего коммюнике РПЦ и ВСЦ о единстве Церквей в борьбе за мир, разоружение и запрещение ядерного оружия. В этот же период наметилось открытое противостояние между митрополитом Николаем (Ярушевичем), ведавшим еще с периода Великой Отечественной войны внешнеполитическим курсом Русской Православной Церкви с линией международных отношений, принятой Н.С. Хрущевым, в особенности по «американскому» вопросу. Новый глава Отдела внешних церковных сношений митрополит Никодим (Ротов) изменил внешнеполитическую линию Московской Патриархии, фактически пойдя на вступление РПЦ в ряды ВСЦ, несмотря на серьезнейшие канонические разногласия с представителями протестантских церквей. Согласно установкам руководства Советского Союза, представители ОВЦС на всех международных форумах осуждали деятельность США и его союзников, а также критиковали политику Ватикана и других консервативных христианских кругов Европы и остального мира. В 1961 г. ряд заявлений Московской Патриархии на «социалистических» христианских форумах заключались в прямой поддержке национального движения в странах Африки против стран Запада. Схожей была мирная позиция руководства Московской Патриархии и «красного Папы» Иоанна XXIII в период Карибского кризиса, суть которой заключалась в максимальных компромиссах с новыми социалистическими властями Кубы. Важной внешнеполитической победой Советского Союза и идущей в фарватере ее политики Русской Православной Церкви стал Второй Ватиканский Собор, на котором фактически отказались от осуждения коммунистической идеологии. Следующей внешнеполитической победой Московской Патриархии, в том числе по вопросам достижения мира, являлось проведение сессии исполкома ВСЦ в 1964 г. в Одессе.

После прихода к власти в СССР Л.И. Брежнева Русская Православная Церковь продолжила ранее взятую линию осуждения действий США и стран НАТО. Так, на III

Христианском конгрессе в защиту мира были приняты документы по защите в мире и в Европе, вкупе с яростным осуждением с точки зрения конгресса «агрессивной» политики» США и Израиля во Вьетнаме и на Ближнем Востоке. На IV конгрессе в 1971 г. особое место было уделено защите целостности ГДР и очередному осуждению Соединенных Штатов за вьетнамскую войну.

В отличие от Русской Православной Церкви Заграницей Московская Патриархия фактически поддержала и ввод советских войск в Чехословакию в 1968 г. Святейший Патриарх Алексий I (Симанский) написал специальное письмо председателю ЦК ВСЦ М.М. Томасу, в котором объяснял поведение советских властей необходимостью «предотвращения» в Чехословакии кровопролития.

В тоже время в 1969 г. в Загорске с большой помпой прошла конференция религиозных организации СССР с участием представителей более чем 40 стран, на котором помимо уже широко распространенных тезисов о мире, была вновь подвергнута жесткой критике внешнеполитическая доктрина США.

В 1970-середины 1980-х гг. данная линия оставалась фактически неизменной. Постепенно, в том числе с согласия партии и КГБ, православные священники отправлялись в страны Африки и Азии, а делегаты от получивших независимость стран приезжали в Советский Союз. Тем самым, внешнеполитическая линия Московской Патриархии в большинстве случаев прямо пересекалась с позицией советских атеистических властей и противостояла как США и их союзникам, так и Ватикану, всегда, за исключением период папства Иоанна XXIII, занимавшего критическую позицию не только по отношению к СССР, но и к Русской Православной Церкви. Резкое осуждение участия стран Запада в локальных конфликтах XX столетия, однако, не означало критики подобного же участия в тех же конфликтах Советского Союза. Любые попытки стран Запада, в том числе деятелей христианских конфессий, провести мероприятия в защиту верующих в СССР и странах социалистического лагеря натывались на непонимание, если не сказать больше – протест со стороны Московской Патриархии. Нельзя забывать, что Советский Союз в большинстве своих действий на международной арене не отстаивал интересы Русской Православной Церкви и уж тем более не мнил себя защитником интересов мирового Православия.

Достаточно сложно найти свидетельства об определенном обращении к Православной Вере со стороны советских солдат во время локальных конфликтов. Самым известным примером является полковник ГРУ, участник конфликта в Ливане, Леонид Прокопьев, который в 1990-е гг. занялся «религиозной деятельностью», возглавив

«Истинно-Православную Церковь». Однако данный пример является скорее отрицательным, чем положительным.

В период Афганской войны 1979-1989 гг. религиозность в рядах Советской армии постепенно увеличивалась, но надо отметить, что при столкновении с другой культурной традицией, мусульманским духовенством и определяющей ролью религии в афганском и пакистанском обществе много советских солдат становились мусульманами, особенно после того как они попадали в плен к боевикам. Также важно отметить, что ныне существующие организации ветеранов Афганской войны активно участвуют в памятных молебнах по погибшим в этом и других локальных конфликтах, на территории России и СНГ, устанавливаются часовни в память о событиях 1979-1989 гг.

Гораздо больше свидетельств об обращении к Православию со стороны солдат Российской армии мы имеем на примере Чеченской войны 1994-1996 гг. Самым известным случаем проявления мужества и стойкости в Вере является пример рядового Пограничных войск Российской Федерации Евгения Родионова. В 1996 г. Евгений Родионов и его сослуживцы были пленены чеченскими боевиками, более 100 дней Родионов провел в плену у бандитов и после этого, отказавшись снять нателный крест и принять ислам, был обезглавлен боевиками. Посмертно Евгений Родионов был награжден Орденом Мужества и Орденом «Слава России». В Русской Православной Церкви существует широкое движение, выступающее за канонизацию Евгения Родионова.

В период существования на территории Чечни режима Джохара Дудаева были казнены многие православные священники, как выступавшие с критикой установившейся в республики власти, так и не говорившие открыто о радикальной национальной и конфессиональной политике чеченского большинства. В октябре 1995 г. был зверски избит священник Православного храма Архистратига Божиего Михаила отец Александр Смывин. В январе 1996 г. в городе Грозном было похищено двое православных священников: отцы Анатолий Чистоусов и Сергей Жигулин. Через год в рабство были угнаны иеромонах Евфимий (Беломестный) и послушник Алексей (Равилов). Весной 1999 г. были похищены в станице Асиновской священники Петр Макаров и Петр Сухоносков. Наконец, в середине июля 1999 г., настоятель грозненского храма отец Захарий Ямпольский, обращавший внимание руководства Московской Патриархии на фактически рабское положение православных в Чечне, был похищен боевиками. Из 10 православных приходов республики при режимах Дудаева и Масхадова действующим остался всего один – в столичном Грозном, и то существовавший под постоянной угрозой закрытия. Большинство похищенных боевиками православных священнослужителей было впоследствии ими зверски убито.

Свое отношение к Чеченской войне высказывало и руководство Московской Патриархии. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II (Ридигер) называл данную войну братоубийственной и неизменно призывал к воцарению в республике мира: «Не ставя под сомнение жизненную необходимость водворения мира и согласия между жителями этой земли и всеми жителями Российской Федерации, Церковь в то же время глубоко обеспокоено сообщениями о сильнейшем обострении братоубийственной брани.... В этих условиях Церковь возвышает голос в защиту невинных жертв кровавого конфликта. Никакие, даже самые справедливые и законные соображения государственной пользы не могут оправдать страдания мирного населения. Никакие, даже самые благие цели не должны достигаться методами насилия, могущими привести в итоге к многократному умножению зла, что будет губительно для всей России». Уже в 2000 г. Русская Православная Церковь четко и ясно выразила свое отношение и к антитеррористической операции на территории Северного Кавказа: «Антитеррористическая операция в Чечне вошла в завершающую стадию. Священный Синод воздаст должное российским воинам и правоохранителям, которые, исполняя свой долг защиты территориальной целостности России и мирной жизни ее граждан, гасят многолетний очаг агрессивной преступности...Завершение борьбы с терроризмом, являющееся залогом мирного будущего Чечни, надлежит производить со вниманием к положению благонамеренных гражданских лиц, жертвы среди которых вызывают у нас особую боль...». Важно отметить, что Московская Патриархия неустанно призывала к милосердию в ходе военной и антитеррористической кампаний на Северном Кавказе, в том числе предостерегая от жестких действий по отношению к семьям боевиков.

Общероссийскую известность приобрел духовник псковских десантников отец Олег Тэор, настоятель православного храма святого праведного Александра Невского в городе Пскове, который ни раз летал с десантниками как на Северный Кавказ, так и в Сербию. Помимо отца Олега многие православные священники проявили себя как горячие патриоты своей страны в период Чеченской кампании.

Список вопросов к главе:

- 1.Каким образом участвовала Русская Православная Церковь в локальных конфликтах второй половины XX столетия?
- 2.Какова была «идеологическая позиция» Московского Патриархата в послевоенное время?

Список литературы к главе:

1. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М.: Кучково поле, 2011. 720 с.
2. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. 480 с.

Возвращение Русской Православной Церкви в Вооруженные силы в 1990-2000-е гг.

В современной России религиозные убеждения и исполнение своих религиозных потребностей военнослужащими Российской Федерации регулируются 8 статьей федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г., согласно которому военнослужащим в свободное от военной службы время можно участвовать в богослужениях и иных церковных действиях в качестве частных лиц, нельзя отказываться от исполнения обязанностей военной службы по религиозным причинам и тем более использовать военную службу для пропаганды своих религиозных убеждений, религиозная символика, литература и прочее используются военнослужащими сугубо индивидуально, государство же вообще законодательно не несет ответственности за удовлетворение религиозных нужд военных и не должно следить за частотой выполнения религиозных обрядов в Российской армии, религиозные объединения в армии также создавать нельзя, хотя религиозные обряды могут отправляться в армии по просьбе военнослужащих.

Более того, в «Правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими» ничего не сказано о проведении какой-либо духовно-религиозной работы среди военнослужащих.

Однако постепенно, в особенности в 2000-е гг., начался процесс более резкого поворота государства к религии, заключающейся в поддержке так называемых «традиционных религий», под которым приято считать Православие, ислам, буддизм и иудаизм. В 2009 г. президент России Д.А. Медведев дает согласие на фактическое воссоздание института военного духовенства. Данная реформа была лишь санкционирована государством, а предложена была самими религиозными конфессиями, при том, что вводить ее планировалось поэтапно. На первом этапе следовало введение института военного духовенства исключительно в тех частях, которые находятся за рубежом Российской Федерации. Затем военное духовенство должно появиться во всех воинских частях, до бригады включительно. С 1 декабря 2009 г. была введена должность помощника командира воинской части по работе с верующими военнослужащими, был создан в составе Министерства обороны и отдел по работе с верующими военнослужащими. Ныне Управление по работе с верующими военнослужащими возглавляет Александр Иванович Суровцев, долгое время проработавший в близких к Московской Патриархии структурах.

В январе 2010 г. министром обороны РФ было утверждено «Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации». Данный документ фактически подтверждал и узаконивал организацию и проведение в рядах Вооруженных сил религиозных обрядов и церемоний, организацию религиозно-просветительской работы в армии, участие духовенства в мероприятиях патриотического и духовно-нравственного значения, участие в мероприятиях, направленных на улучшение правопорядка и профилактику суицидальных происшествий.

В то же самое время, несмотря на то, что существует договор между министерством обороны и Русской Православной Церковью, фактически таких особенностей как, к примеру, присяга на Библии или Евангелии, как это было в Российской Империи, и есть в некоторых странах Запада, в Российской Федерации нет. Нынешняя присяга фактически является идейным продолжением той, которая была в РККА и Советской армии.

В Московской Патриархии существует специальный синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами. Он был создан решением Священного Синода 16 июля 1995 г. и первоначально назывался отделом по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями (до 2013 г.). Решением Священного Синода от 5 марта 2010 г. все вопросы, касающиеся исправительных учреждений, передаются из состава отдела в ведение Синодального отдела по тюремному служению.

Помимо пастырской и катехизаторской задач своего служения, Отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами ставит своей целью духовное воспитание военнослужащих. Так, специальный Духовный центр по воспитанию военнослужащих возник при Православном Свято-Тихоновском богословском институте (гуманитарном университете). Также в некоторых военных учебных заведениях были учреждены специальные факультеты Православной культуры, которые достаточно активно проводят различные конференции на военную и военно-патриотическую тематику.

Первым председателем отдела был назначен викарий Московской епархии Красногорский епископ Савва (Волков), ранее проходивший службу в армии на ядерном полигоне под Семипалатинском. Его сменил в 2001 г. на этом посту, ставший широко известным по всей России пастырем, протоиерей Дмитрий Смирнов, выступавший с заявлениями по поводу роли и места Российского воинства в истории страны и современности. В 2013 г. его сменил выпускник факультета Православной культуры при

Военной академии РВСН имени Петра Великого, кандидат богословия, протоиерей Сергей Привалов.

Необходимо отметить, что данный Синодальный отдел имеет и свое печатное издание – журнал «Вестник военного и морского духовенства», который выходит как в бумажном формате, так и в интернет-формате. В нем, в лучших традициях военного духовенства, описываются основные события из жизни Российской армии и обсуждаются сложные вопросы деятельности армейского духовенства.

Однако далеко не все проблемы жизнедеятельности военного духовенства в современной России окончательно решены. Во-первых, уровень влияния Русской Православной Церкви на Российскую армию до сих пор остается достаточно низким. Институт военного духовенства, так постепенно и часто непоследовательно создаваемый гражданскими властями и Московской Патриархией, еще не дошел до каждой российской воинской части. Очень многие солдаты Российской армии подвержены влиянию иных вероисповеданий, в том числе религиозных сект, которые могли свободно действовать на территории Российской Федерации в предшествующие годы. Также очень низким остается и уровень духовного образования внутри современных Вооруженных сил России.

Во-вторых, большая часть работы православного духовенства в рядах Российской армии связана исключительно с военно-патриотической деятельностью, очень часто проводимой в ущерб попечению о духовном состоянии армии, что очень разнится с институтом военного и морского духовенства Российской Империи. Не учитывается и высокий процент неуставных отношений в ВС Российской Федерации, справляться с которыми должно, в том числе, и военное духовенство.

Наконец, как и в начале XX в., не все православные священнослужители готовы проводить широкомасштабную работу в рядах Российской армии. Очень большая часть из них прошла через ряды Советской армии и усвоила законы вооруженных сил, одной из целей которых была защита интересов атеистического государства, не ставящего своей целью интересы Русской Православной Церкви.

Для укрепления российской армии следует продолжить воссоздание института военного и морского духовенства в современной России с опорой не на Красную и Советскую армию, а на Российскую Императорскую армию, когда Православие имело первостепенное положение в стране. С учетом разрешения тех ошибок, которые существовали в среде военного духовенства в период Первой Мировой войны, в современной России можно воссоздать независимый институт военного духовенства, однако без надлежащего уровня образования данных пастырей сделать это невозможно.

Православный священник должен, как нам кажется, не только быть верным слугой своего Отечества, но и защитником интересов рядового солдата. Возможно, именно по данному пути и пойдет Русская Православная Церковь.

Список вопросов к главе:

1. Охарактеризуйте место военного и морского духовенства в современном российском законодательстве?
2. Какие изменения в институте военного и морского духовенства произошли в последние годы?

Список литературы к главе:

1. Казьмина О.Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России. М.:Изд-во МГУ, 2009. 304с.
2. Православная Церковь при новом патриархе / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги, РОССПЭН, 2012. 415с.

Заключение.

В данном учебном-методическом издании был рассмотрен вопрос взаимоотношений армии в Российской Империи/Советском Союзе/Российском Федерации в XX-начале XXI вв. Фактически, с 1890 г. начался процесс организованной деятельности протопресвитера военного и морского духовенства Российской Империи. Все три протопресвитера российской армии и флота отцы Александр Желобовский, Евгений Аквилонев и Георгий Щавельский сделали очень много для Российской Императорской армии, унифицировав практически все сферы деятельности военного и морского духовенства.

Несмотря на то, что в среде военного и морского духовенства существовали определенные проблемы, начало столь крупного мирового конфликта большинство православных пастырей встретило достойно. Первый съезд военного и морского духовенства, прошедший незадолго до начала Первой мировой войны, во многом определил вектор будущих действий священнослужителей в период военного конфликта. Большинство военных священников были преданными патриотами своей страны и защищали ее интересы на фронтах Первой мировой войны.

Особую роль в деле помощи Российской Императорской армии сыграли и монастыри, и организованные Православной Церковью лазареты и госпитали, которые часто патронировались представителями Церкви.

Большая часть православных священников, попав во вражеский плен, продолжала окормлять плененных солдат и неизменно заботиться об их душеспасении. Многие священники за свои подвиги на поле боя были награждены государственными и

церковными наградами. Немалая часть пастырей погибла вместе с военными и морскими силами Российской Империи, в том числе выполняя свой пастырский долг.

В последний период Великой войны Российская Императорская армия была подвержена разлагающей пропаганде тех сил Российской Империи, которые действовали для максимального разложения армии и флота. Естественный и постепенный рост уровня атеизма в армии и флоте привел к падению роли военного и морского духовенства в стране, однако и сама Российская Православная Церковь, как и военное и морское духовенство, поддерживали изменение государственного строя в стране и начали активный процесс реформ в России. Но все попытки постепенного реформирования института военного и морского духовенства, заявленные и на Поместном Соборе 1917-1918 гг., сошли на нет после событий октября 1917 г.

Приход к власти политических радикалов – большевиков, открыто ставивших целью атеистическую пропаганду и широкомасштабную борьбу с Православной Церковью, уничтожил возможность легальной деятельности православного духовенства в рядах Красной армии. Святейший Патриарх Тихон (Беллавин) выступал с резкой критикой разразившейся в стране Гражданской войны и призывал к скорейшему установлению мира, однако не заявлял об открытой поддержке тех сил, которые противостояли большевикам. Его осуждение Брестского мира и террора большевиков по отношению к Церкви не привели к крупным военным выступлениям в тылу новых властей. Сами же большевики активно стали проводить политику массового террора против православного духовенства и верующих, в том числе против военного и морского духовенства.

По-иному себя вели те православные пастыри и архипастыри, которые оказались по другую сторону фронта. Практически все представители антибольшевистских сил поддерживали Православную Церковь и искали в ней опору для своих действий. Как на Юге России, так и в Сибири и особенно на Дальнем Востоке, противники советской власти поддерживали воссоздание института военного и морского духовенства, а также участие православных священников в идеологической и пропагандистской борьбе с большевиками. Издание специальных книг и брошюр, антисоветские проповеди среди солдат - все это должно было способствовать увеличению антибольшевистского фронта. Однако даже создание специальных военных частей, целью которых была обозначена борьба с проявлением безбожия, не привела к настоящей консолидации российских антибольшевиков. Сами православные священники не так истово, как в период Великой войны, окормляли вооруженные силы, хотя некоторые и продолжали подвиг военного и морского духовенства прошлых лет. После занятия части территорий, ранее

контролируемых антибольшевистскими силами частями РККА, самые рьяные противники новой власти из среды Православной Церкви были уничтожены.

Помогали православные пастыри и участникам антибольшевистских восстаний, предоставляя им как финансовую поддержку, так и укрывая их от большевиков.

Особо широко процесс обращения к Православной Церкви был характерен в последний период Гражданской войны на Дальнем Востоке, но он уже не мог сыграть какой-то основополагающей роли для окончания братоубийственной войны.

В эмиграции Русская Православная Церковь Заграницей продолжила призывать силы как на Родине, так и вне ее к открытому противостоянию советской власти, благословляя те военные и политические организации, которые ставили своей задачей свержение государственного строя в СССР. Особенно широкий размах данный процесс принял в годы Второй мировой войны, когда руководство РПЦЗ фактически поддержало службу представителей русской эмиграции в антибольшевистских воинских формированиях.

В противовес этому представители Московской Патриархии и лично Местоблюститель Патриаршего Престола, а впоследствии Патриарх Московский и всея Руси, Сергей (Страгородский) заняли активную просоветскую позицию. Представители РПЦ очень часто выражали свою поддержку действиям советского правительства и Красной армии, резко осуждали действия нацистских оккупантов, участвовали в пропагандистских, в том числе международных, кампаниях, призванных изменить отношение союзников Советского Союза к религиозной политике большевиков. Финансовая поддержка православными армией оказала ей существенную помощь в борьбе с нацизмом.

Частью поддержки действий советской власти в ее борьбе с нацизмом было осуждение действий того православного духовенства, которое находилось на оккупированной территории. Немалая часть пастырей участвовало в советском подпольном и партизанском движении, за что было уничтожено нацистами. Обратной стороной данного процесса было уничтожение просоветскими силами тех представителей духовенства, которые уличались в контактах с германскими карательными службами и в пронацистской пропаганде.

Однако, несмотря на изменение общего курса религиозной политики в Советском Союзе, нельзя сказать, что в рядах РККА массово стал расти уровень религиозности. Более того, некоторые пожелания рядовых солдат по реализации своих религиозных потребностей выполнены не были. Церковный подъем, во многом благодаря действиям гражданских властей, постепенно стал сходить на нет.

В послевоенные годы участие Русской Православной Церкви в деятельности Советской армии было совсем сведено на нет. Однако представители Московской Патриархии обязаны были принимать участие в различных конференциях и конгрессах «в защиту мира», на которых выступали с резко антиамериканскими и антинатовыми высказываниями и резолюциями, а также с критикой политики Ватикана. Русская Православная Церковь Заграницей, напротив, продолжила резкую линию жесткой критики существующего в Советском Союзе государственного строя, призывая продолжить активную фазу борьбы с режимом.

В современной России только начал складываться и воссоздаваться институт военного и морского духовенства. Определенных успехов он достиг в последние годы, однако говорить о каких-либо крупных победах на этом поприще пока рано. Существующие как церковные, так гражданские структуры, отвечающие за данные вопросы, пока не до конца наладили взаимодействие Русской Православной Церкви и Вооруженных Сил Российской Федерации. Однако последние военные кампании, в особенности на Северном Кавказе, показали особую жертвенность отдельных представителей православных воинов и священнослужителей. Хочется надеяться, что данный процесс продолжится и в дальнейшем.

Вопросы к курсы «Русская Православная Церковь и армия в XX веке».

1. Источники по проблеме взаимоотношений Русской Православной церкви и армии в XX веке.
2. Историография по курсу.
3. Положение военного духовенства в Российской Империи на конец XIX-начало XX вв.
4. Православное духовенство и русско-японская война 1904-1905 гг. Особая роль Православной миссии в Японии.
5. Готовность военного духовенства к Великой войне.
6. Военные священники на фронтах Первой мировой войны: примеры личного мужества и верного служения Отечеству.
7. Монастыри и попечение о раненных и беженцах в годы Первой Мировой войны.
8. Судьбы российского военного духовенства.
9. Духовенство, армия и общество: от Февраля к Октябрю 1917 г.
10. Православная Церковь и РККА.
11. Православная Церковь и Белые армии Юга России. Высшее Церковное Управление Юга России.
12. Православное духовенство и антисоветские вооруженные силы Урала, Сибири и Дальнего Востока. Приамурский Земский собор.
13. Русская Православная Церковь Зарубежом и воинские организации Зарубежья.
14. Помощь Московской Патриархии Красной армии в годы Великой Отечественной войны.
15. Патриотческие воззвания Русской Православной Церкви.
16. Православное духовенство и партизанское движение в 1941-1945 гг.
17. Православие и вооруженные конфликты второй половины XX столетия.
18. Дискуссия о возвращении военного духовенства в современной России.
19. РПЦ и армия на современном этапе.

Список обязательной литературы.

1. Данилушкин М.Б. Никольская Т.К. Шкаровский М.В. История Русской Православной Церкви в новый патриарший период. СПб.: Воскресение, 1997. 1020 с.
2. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в 20 веке. М.: Республика, 1995. 509 с.
3. Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. Учебное пособие. М.ББИ св.ап. Андрея Первозванного, 1996. 408 с.

4. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. 480 с.

Список дополнительной литературы.

1. *Алексеев В.И., Ставру Ф.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. №№ 13, 14, 15.
2. *Базанов П.Н.* Братство Русской Правды-самая загадочная организация Русского Зарубежья. М.: Посев, 2013. 424 с.
3. *Бестременная Г.Е.* Японская Православная Церковь. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. 318 с.
4. *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. М.: ИРИ РАН, 2001. 212 с.
5. *Гордиенко Н. С.* Современное русское православие. Л.: Лениздат 1988. 302 с.
6. *Зоберн В.М.* Бог и Победа. Верующие в великих войнах за Россию. М.: Эксмо, 2014. 640 с.
7. *Казьмина О.Е.* Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России. М.: Изд-во МГУ, 2009. 304 с.
8. *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917-1922). М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2005. 440 с.
9. *Корнилов А.А.* Духовенство перемещенных лиц. Н. Новгород: НИЛ «Русское Зарубежье», 2002. 119 с.
10. *Корнилов А.А.* Преображение России: О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941-1945). Н. Новгород: ИФ ННГУ, 2000. 192 с.
11. *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20-40-е гг. XX века). М.: ПСТБИ, 2000. 287 с.
12. *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 398 с.
13. *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925-1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. 624 с.
14. *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в 1939-1964 гг. Административное развитие и взаимоотношения с Церковью в Отечестве. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 488 с.
15. *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. М.: Кучково поле, 2011. 720 с.
16. *Майнер С.М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941-1945. М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 451 с.

17. *Маковецкий А.*, прот. Белая Церковь: вдали от атеистического террора. СПб: Питер, 2009. 315 с.
18. *Митрофанов Г., свящ.* История Русской Православной Церкви. 1900-1927. СПб. Сатисъ, 2002. 444 с.
19. *Обозный К.П.* История Псковской Православной Миссии. 1941-1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2008. 608 с.
20. *Олихов Д.В.* Создание и деятельность Временного Высшего Церковного Управления Сибири (1918-1920 гг.): Автореф. дис. к.и.н. Омск, 2014. 25 с.
21. *Петров И.В.* Идеологические и национальные аспекты деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России (1940-1945 гг.): Автореф. Лис. к.и.н. СПб. 2014. 34 с.
23. *Петров И.В.* Проблема Литовско-белорусской православной автокефалии в начале Второй мировой войны (1939-1940) // Былые годы. 2013. № 29 (3). С.96-106.
24. Православная Церковь при новом патриархе / *под ред. А. Малашенко и С. Филатова*; Моск. Центр Карнеги, РОССПЭН, 2012. 415 с.
25. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / *под ред. М.А. Бабкина*. М.: Индрик, 2006. 680 с.
26. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / *Сост. Васильева О.Ю., Кудрявцев И.И., Лыкова Л.А.* М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2009. 768 с.
27. Русская Православная Церковь и Белое Движение (альманах №10). М.: Посев, 2008, 254 с.
28. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917-1941 гг. Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во ББИ св. апостола Андрея, 1996. 352 с.
29. *Силова С.В.* Крестный путь: Белорусская Православная Церковь в период немецкой оккупации. Минск: Белорусский Экзархат, 2005. 71 с.
30. *Суханова Н.А.* История Японской Православной Церкви: путь к автономии. М.: Алетейя, 2013. 376 с.
31. *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х-1918 гг.). М. Духовная библиотека, 2002. 624 с.
32. *Фирсов С.Л.* Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Николая II. СПб.: Сатисъ Держава, 2007. 467 с.
33. *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002. 521 с.

- 34.Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.
- 35.Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. СПб.: Сатисъ; Держава, 2005. 624 с.
- 36.Щавельский Г., Воспоминания последнего протопресвитера Российской армии и флота. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2010. 704 с.

Глоссарий церковных терминов.

Алтарь-восточная, главная часть храма, в которой находится престол.

Архиепископ-глава крупной церковной области, объединяющей несколько епархий.

Благочинный-священник, один из помощников епископа в деле надзора в определенном церковном округе или епархии.

Епархия-церковно-административная единица, управляемая архиереем.

Епископ (архиерей)-священнослужитель высшей степени священства, представитель «черного духовенства».

Митрополит-архиерей, глава митрополии, церковной области, объединяющей несколько епархий.

Престол-стол, находящийся в середине алтаря, освященный архиереем для совершения на нем литургии (главное богослужение).

Протопресвитер-высшее звание для лица белого духовенства в Российской Православной Церкви и некоторых Поместных Церквях.

Экзарх-архиерей, управляющий крупной церковной областью, как правило лежащей за пределами страны.